

Понятые и свидетели

Хроники военного времени

Понятые и свидетели. Хроники военного времени —
Тель-Авив. Издательство книжного магазина «Бабель»,
2022. — 162 с.

ISBN 978-965-92929-5-0

Книга издана при поддержке Леонида Невзлина

- © авторы текстов, 2022
- © Головинская И., сост., 2022
- © Изд-во книжного магазина «Бабель»,
подготовка к печати, 2022

Понятые и свидетели

Хроники военного времени

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КНИЖНОГО МАГАЗИНА
БАБЕЛЬ

Тель-Авив

2022

Содержание

В начале Они подожгли небо и землю

Линор Горалик	9
Лена Берсон	16
Вадим Жук	23
Анна Шур	32
Аля Хайтлина	33
Катя Капович	39
Всеволод Емелин	45
М. К.	49

В год египетских казней

Александр Кабанов	55
Алексей Цветков	65
Роман Лейбов	75
Аня Старобинец	80
Мириам Кункес	82
Тони Дубинин	84
Сергей Плотов	89

Вылететь или остаться

Наталия Сивохина	99
Платон Матинин	104
Алла Боссарт	109
Аня Десницкая	114
Алексей Олейников	115

Горе прочней чем камни

Юлий Гуголев	125
Иван Давыдов	138
Дмитрий Веденяпин	146
Мария Степанова	149
Анна Гальберштадт	150
Аня Красильщик	153
Андрей Бильжо	154
Марина Бородицкая	159

**В начале Они подожгли
небо и землю**

Что это хорошо

33

И совершили Они к седьмому дню дела свои,
которые Они делали,
и почили в день седьмый от всех дел своих,
которые делали.

32

И благословили Они седьмой день, и отметили его,
ибо в онный почили
от всех дел своих, которые делали.

31

И вспоминали Они все, что делали, и вот,
было хорошо весьма.
Так, был вечер, и было утро: день шестой.

30

Всем зверям земным, и всем птицам небесным,
и всякому пресмыкающемуся по земле,
в котором сохранилась душа живая,
обеспечена была забота

международных зоозащитных организаций.
И стало так.

29.

И сказали Они: вот, мы дадим этим людям выжившим
всякий пакет первой помощи,
объем которого не превышает описанный в разнарядке,
и всякий гуманитарный паек,
какой положен им в соответствии
со сложившейся ситуацией;
— им сие будет в пищу;

28

И благословили Они тогда людей этих выживших,
и сказали им:
плодитесь и размножайтесь, и наполняйте заново
эту землю,
и обладайте ею в соответствии с зачитанной
вам конвенцией и в пределах ее,
и владейте над рыбами морскими
и над птицами небесными,
и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

27

И вывели Они человекoв из заранее обеспеченных
всем необходимым
оперативно развернутых убежищ, —
человекoв, переодетых в комфортную
и гигроскопичную форму,

по образу Их переодетых;
мужчин и женщин вывели Они.

26

И сказали Они:

в центре было принято решение
все-таки сохранить мирное население

как понято прием
мирное население сохраняем алле?

Ясно, разворачиваем план “Бета-Тета”,
убежища, переодевание, полный фарш,

только потом приступаем, —
слушайте, а что насчет рыб морских,

и птиц небесных, и скота,
и всей земли, и всех этих гадов,

пресмыкающихся по земле, прием
Ага, понял, отбой.

25

И передали Они распоряжения насчет

зверей земных по роду их,
и насчет скота по роду его, и всех гадов

земных по роду их,
и позволили они международным

зоозащитным организациям
присутствовать на границе проводимой операции

и ждать часа своего.

И увидели Они, что это хорошо.

24

И сказали Они:

да сохранит бригада “Зэ”, повторяю — “Зэ”, “Земля”,
душу живую по роду ее,
в смысле — скотов, и гадов, и зверей земных по роду их.
И стало так.

23

И был вечер, и было утро: день пятый.

22

И благословили Они существ этих, говоря:

плодитесь и размножайтесь,

и наполняйте воды в морях,

и птицы да размножаются на земле,

поскольку до сих пор не замечены

ни в пособствовании действиям Тех,

ни в вербовке Этих.

21

И запеленговали Они рыб больших

и всякую душу животных пресмыкающихся,

которых произвела вода, по роду их,

и всякую птицу пернатую по роду ее,

чтобы впредь иметь возможность отчитаться

перед экологическими институтами

за сохранность их.

И увидели Они, что это хорошо.

19

И был вечер, и было утро: день четвертый.

15

И сказали Они:

да будут светила на тверди небесной,
предназначенные для отделения дня от ночи,
и для знамений, и времен, и дней, и годов,
и лежащие в основе религиозного

календаря Этих и Тех,
ясно видны в ходе нашей миротворческой операции,
чтобы никто не мог упрекнуть нас в неуважении
к местным религиозным и этническим традициям;
И увидели Они, что это хорошо.

13

И был вечер, и было утро: день третий.

12

И сказали Они:

да будет замечено, что используемые нами
в рамках Женевской конвенции
поражающие вещества
не помешают земле произрастить зелень,
траву, сеющую семя, дерево плодовитое,
приносящее по роду своему плод,

в котором семя его на земле.

И стало так.

10

И называли Они Тех “вражескими бандформированиями”,
а собрание их называли “захваченными территориями”.
И увидели Они, что это хорошо.

9

И сказали Они:
да сосредоточим мы Тех, которые ставят
под угрозу жизнь,
покой и гуманитарный вектор развития
мирного населения,
в одно место, и да явится им предначертанная
для них участь.

И стало так.

8

И называли они Этих “мирное население”.
И был вечер, и было утро: день второй.

7

И создали Они тактическую наземную операцию,
и отделил Этих, которые еще ничего,
от Тех, которые полный пиздец.
И стало так.

6

И сказали Они:
да будет развернута тактическая наземная операция

посреди зоны контролируемого поражения,
и да отделяет она мирное население от Тех.

5

И называли они свет
“наблюдательной зоной
для гуманитарных и общественных
международных организаций”,
а тьму
“зоной контролируемого поражения”.
И был вечер, и было утро: день один.

4

И увидели Они свет, что он хорош,
и отделили свет от тьмы.

3

И сказали Они: да будет свет.
И в повисли в небе осветительные
установки, и стал свет.

2

Земля же после этого была была безвидна и пуста,
и тьма над бездною, и дроны Их носились над водою.

I

В начале Они подожгли небо и землю.

Живое не станет взрывать живое.
Безжалостно заживо жечь живое.
Когда мы увидимся? Бог с тобою,
Мы больше уже никогда теперь.

Ты спросишь: “Ну как там?”, услышу — Харьков.
“Что с тем ли, что с той ли?”, скажу — Гостомель.
Ты скажешь, что время идет на убыль,
Что столько не видется — это глупо,
А я — “Мариуполь” тебе отвечу.
А я — Мариуполь.

Живое не будет пытаться живое.
Терзать, заставлять умирать живое.
“Приедешь, я праздничный стол накрою,
Всей правды не знаем ни я, ни ты”.

Но правда, пока ты ее не знаешь,
Глаза выворачивает — мол, на, ешь,
И, стиснув ладонью песок и землю,
Кровавый куличик толкает в зенки:
Живых, что ли, ищешь? Живых-то здесь нет.
Никто не воскреснет.

Как хлебные крошки, что тряпкой смёл ты,
Живых разметало по воле мёртвых.
Мы живы не Пасхой — ее кануном,

Не светом, а тем, что почти ослепли.
И первая травка, и снег последний
Уже ни к чему нам.

* * *

В чужой стране с утра вставать не к спеху,
А надо встать, уже никто не спит.
Ты думаешь: ok, *dum spiro spero*,
Но нужен спирт.

Где магазин? Направо и налево,
Пройди двором, напрасно покружив.
В чужой стране с утра идешь за хлебом,
Поскольку жив.

Распределен, и никаких истерик,
По лужам — снег, как жизнь по роддомам.
Когда пойду долиной смертной тени —
Зла убоюсь, но виду не подам.

Идти на выход, на позор, на бойню,
Зажав весенний день в глазах сухих.
Не вейся, черный ворон, я не твой, не
Ищи своих.

Как желтый жжет и осеняет синий
Февраль, располовиненный уже!
Безвиз Отца, прожилки глины в Сыне
В натянутом на лужу витраже.

Как будет всё? Как свидеться еще нам?
Где, пересилив свой сердечный бой,

Ты валишься лицом перемещенным
В чужой сугроб, прикрыв его собой?

* * *

Перекрести или перечеркни нас,
Вычеркни как номерок на обоях.
Мы никогда не вернемся в Чернигов,
Чтоб никому не напомнить о боли.

К теткам по маминой, кажется, линии:
Смуглой Марусе и светленькой Лилии,
Дом их в тенях кружевных и салфетках,
Где по утрам петухи нас бесили.
Нет ни Маруси, ни Лили сто лет как,
Знать бы тогда, что такое бессилье.
Чтобы они навсегда позабыли:
Кто мы такие, откуда, кем были.

Чтобы забыли нас, кто мы такие,
Речь нашу, вспухшую в горле, как дрожжи.
Мы не вернемся ни в Харьков, ни в Киев,
Ни в Запорожье.

О, расточительный как Дроссельмайер,
Киев с подарками в каждом кармане,
С тесным прощанием, как перед смертью,
Будто листвою, осыпaeмый медью.

Жизнь уязвима под курточкой куцей.
Что я могу для нее?
Не вернуться.

* * *

Вот он, переверни его на бок,
Не на этот, удобней на том.
В общем, делай как должно, как надо,
Пусть все будет как будет потом.
Жизнь мерцает под утро как стерлядь
То замрет, то забьется опять.
Делать нечего, нечего делать,
Только тяжкие сводки читать.
Он был в Киеве классе в десятом,
А потом никогда не бывал.
Он качался в плацкарте измятом
И от курева обалдевал.
Он придумывал как бы солгать так,
Чтоб не на день отстали, на пол —
И пойти посмотреть, где Булгаков,
На Андреевский спуск, на Подол.
Он был счастлив не часто, не шибко,
Но еще бы хотел, если б смог,
Умереть за “господские Липки”,
За Андреевский тощий снежок.

* * *

— Зачем мы здесь, напомни мне.
— Ну как!
Ходить гулять то в парк, то в зоопарк,
На санках в сад утрами быть влекомым.
— Но что прикажешь делать, боже, мне,

Раз дом сгорел и санок больше нет,
Которые ржавели на балконе?
Изнанка дома — наш или не наш,
Отсюда мне отчетливо видна ж:
Бесмысленные тряпки, доски, пятна;
Интимные подробности не в счет,
Когда однажды ночью нас убьет
На той кровати, где уже не спать нам.
— Но подожди, а парк?
— Он был всегда,
Там красные кружили поезда.
— Они же не живые!
— Неужели?
А что ж так больно, больше не могу,
Вагоны догорают на боку
Среди лошадок, сбитых с карусели.
И объясни, но объясни всерьез,
Зачем уже ослепшему от слез
Подробности, входящие под ребра,
(Оно еще шевелится? Убей)
Что в обезьян, подобия людей,
Стреляют люди — божии подобья.
И вроде цвет у всякой крови ал,
И вроде плоть — все тот же материал,
Которого на всех с избытком хватит,
Но ядерный в глаза метется снег,
Когда в тебя стреляет человек —
Не человек, а сын иван-кровати.
Потом лежишь на каменной земле
И все вот это, о добре и зле,

Так далеко, как плач “давай уедем”.
Ни пикассо не выдержит, ни босх.
Здесь больше никакая не любовь.
Наоборот. И что мне делать с этим.

* * *

В темнейшие, темнеменьшие времена,
Все то, что ты можешь думать: война, война.
Все то, что ты можешь делать... да ни хрена.

На случай обстрела — полезней мешок с песком,
Чем тело мое с коснеющим языком,
Который уже не мелет ни на каком.

Родимая речь, все та же (не та, не та),
Роднит нас не больше пены у края рта,
Наличия пальцев, наличия живота.

Привычная, присосавшаяся как клещ,
Ты лучше бы стала невнятная немтыречь,
Чем биться в ушах: стреляй, убивай, калечь.

Шуршала бы ты не громче золы в костре,
Дождя по оконной брешу, дверной дыре,
Травы на сожженном во имя твое дворе.

* * *

Бабушка из Мелитополя,
Бабушка из Мариуполя.
Хорошо, что обе вовремя,
Хорошо, что обе умерли.

В сорок первом, ранней осенью,
По реке клейменных, меченых,
Как одна бежала, господи,
С тяжким пузом восьмимесячным,

Как другая — вместе с девочкой
По земле еще не выжженной
Перла тачку самодельную
Со свекровью обездвиженной.

Ничего-то им не делается.
Пусть гуляют под оливами.
Спасшие себя и деточек,
Уцелевшие, счастливые.

Пусть сквозь изгородь небесную
Нас не ищут (внуки? дети ли?).
Мы ни бе ни ме не беженцы,
Понятые и свидетели.

Вадим Жук

Москва

* * *

Стишки мои — спичечная рогатинка, паутинка,
Страна моя непроходимый лес.
Думы мои горькие, совесть моя украинка,
Стоящая среди стали, летящей с небес.
Отец мой учился мудрости в хедер-школе,
Растил Лобановский футбольных звёзд,
Турбины булгаковские жили на Подоле,
Бегал в театр Юра Рост.
Любили жинки, рожали мамки,
Днепр от любви становился синей,
Чтоб забирали в чёрные рамки
Фото здоровых и сильных парней.
Стишки от безумия не лекарство,
Знай мой трижды не мой президент.
Если Украина иностранное государство
Я четырежды иностранный агент.
Стишки мои — спичечная рогатинка, паутинка,
Страна моя чёрный медвежий лес.
Думы мои горькие, совесть моя украинка
Среди стали, летящей с небес.

26 февраля 22 чёрного года

* * *

Пролетают снежинки, похожие на мошкару,
Бьют ракеты, ведут разговор батареи.
Залежались евреи, загостились вы в Бабьем Яру,
Просыпайтесь, евреи.
Поглядите вокруг, да вернутся в глазницы зрачки,
Убедитесь, убитые, мир по-прежнему страшен,
Проверяют, евреи, насколько крепки
Холокосточки ваши.
Тут весна наступает. Гуляки придут на Подол.
Воробьёв заполошное солнце согреет.
Мир без вас съехал с глузду. С катушек сошёл.
Просыпайтесь, евреи

* * *

Умерло дерево, ветки обвисли,
Слова и семена склевали куры.
Не было никакой русской культуры.
Не надо Достоевского! Чёрт с ним ненавистником.
Никогда его не было в мире!
Часы и века остановились.
Оставьте мне только фразу Порфирия:
Вы и убили-с

* * *

Долго, сказали вы,
Жить надо в России долго.
Весь состав головы
Бедной моей раздолбан.
И никто не отвертится!
Кончились тары-бары.
В сердце, в сердце, в сердце
Точечные удары.
Спать бы без всякого просыпа,
Жутко мне, зябко; колко.
Как мне молиться, Господи?
Долго! Зачем мне долго?

* * *

I

Над пропастью среди сожжённой ржи,
В долине солнечной с бетонными ежами
Остановилась наша жизнь,
Как лифт застрявший между этажами.

2

Так напророчен в памятной строке,
Так жутко сохранённый временами,
Идёт за мною и за всеми нами
Тот сумасшедший с бритвою в руке.

* * *

Ты, живущий в высокой башне,
Сделанной из бивней белого слона,
Не отличающий сегодняшний и вчерашний,
Знай — ты воюющая сторона.
Ты, скупающий банки и крупы,
Чтоб завтра семья не была голодна.
На тебя безглазые смотрят трупы.
Ты — воюющая сторона.
Ты, умолкнувший, ты, молчащий,
Ты, шепчущий “Не моя вина”.
И на тебя найдутся волчищи в чаще,
Ибо ты — воюющая сторона.
Ты со своим ненасытным стаканом,
Всё посылающий на и на.
Тебя разбудят твои тараканы:
Ты тоже воюющая сторона.
Ты — со своими строками горячими,
У тебя открыты и грудь и спина.
Ты здешний. Не вне и не над. И значит,
Ты воюющая сторона.

* * *

А по-моему, ты...

(Хармс)

— Сам-то я из Союза писателей.
— А не то, чтобы истязателей,
Или проще сказать — мучителей?
— Что вы!
— Вот ваш паёк, получите.

— Я пришёл из Союза художников.
— А не вы ли брали заложников,
И писали портрет бандита?
— Ни за что!
— Хорошо, проходите.
— Из Союза я театрального
— А не вы травили Навального,
Пели в голос в лад с Лужниками?
— Я? Да я же двумя же руками!
Осторожнее с нами голубами,
С многопенными нашими клубами.
Мы войдём в состав делегации,
И представим в Киеве нацию,
Мы же и принесём покаяние,
Как убогому подаяние.
Мы же вечные, неистребимые,
Мы ж глубинным народом любимые,
Будут снова в опале опальные,
А в фаворе профессиональные...
И покроют нам плечи паучьи
Шубы новенькие бурундучьи.

* * *

СО МНОЮ ВОТ ЧТО ПРОИСХОДИТ
Мой внук оружие наводит
На города земли чужой.
Куда ракета попадает
Об этом он и знать не знает,
Он щи с черняшкой доедает
У бодрой кухни полевой.

Со мною вот что происходит,
Мой друг газетой верховодит,
Она была других газет
Острее, живей и либеральней.
А нынче с рожею охальной
Со зверьей выходкой наскальной
Грозит планете буквой Z.
Со мною вот что происходит,
Мой ученик коня выводит,
Кладёт в седельную суму
Бутылку, джезvu, пару книжек,
Игрушки для своих детишек,
И только б дальше, ниже, тише
Бежит с оглядкой на тюрьму.
Со мною вот что происходит,
Диджей мне музыку заводит,
Не мне — для всей моей страны!
В крови солдатские ботинки,
В крови берёзки и осинки,
В крови калинки и малинки.
Легко ль тебе ложится в цинке?
Где пели свадьбы- там поминки.
Горит и корчится пластинка
ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

* * *

— Ах, неужели отчизна Андрея Рублёва,
И Феофана, как вы понимаете, Грека,
Может так грубо попать основные основы
Из декларации прав, например, человека?

— Нет! В очистительном пламени
Новое общество строится.
Там воссияет на знамени,
Чудными ликами “Троица”.

— Ах, неужели, и Чехов и Пушкин,
Чьим мы наследием дышим практически,
Тоже смогли бы дитя и старушку,
Как-то обидеть негуманистически?

— Нет! По проложенным танками
Тропкам и помня, кем счастье подарено,
Будем гулять мы с Каштанками,
Или с Татьяною Лариной.

— Ну, а Чайковский?

— О чём вы? Естественно!

— А Шостакович?

— Да каждою клавишей!

Мы всю планету завалим оркестрами,
Звонкую родину нашу прославивши!
Всё у нас будет прекрасно и заново,
Мир расцветёт в камышах калашовых,
И полетит над планетой Уланова
В бронештанах и в балетках кирзовых!

* * *

Сиди и жди. Пока мешочник март
Уносит жизни, как пустую тару.
Сиди-гляди, как исчезают с карт
Фасады, кошки, девочки, бульвары.
Эзопов труд. Сизифов труд,
Глас вопиющего в Сахаре.

Сиди и жди, пока в муку сотрут
Тебя помытыми чекистскими руками.
Ведь ты же ничего не можешь? Ничего.
Кроме того, что ты не можешь.
Сиди. Встречай улыбкою его,
С тебя сдирающего кожу.
Сиди, пока не вмерзнешь в лёд, в цемент,
В кровавую расплзшуюся жижу.
Успей сказать: Мой президент!
Он обязательно услышит.
Сейчас он ждёт Победы Дня,
Он обещаний не нарушит.
Он в Апокалиптической конюшне,
Он выбирает пятого коня.

* * *

Генерал Шаманов,
С лицом, похожим на сырой рытый бархат,
Весь в складках нашивках колодках,
Никогда не слышавший Баха
И даже Россини.
Некогда обмывший в водке
Звезду героя России,
Предрек новый этап
Специальной операции:
Освобождение Одессы.
Мам от пап.
Стариков от старости, детей от детства,
Девушек от парней.
Ипподром от коней.

Платанов от акаций.
Бульвар от сизых стай.
От Ильфа Петрова Катаева
Жванецкого Карцева Ильченко Водяного
Этап будет удивительно новый.
Стальная гадюка
Ужалит в ногу Дюка.
И эйзенштейновский мальчик,
Прыгающий по ступеням потемкинской лестницы,
Выпадет под ноги танку.
И танкист не перекрестится

* * *

На полу Алексей Толстой —
“Пётр Первый”.
Запах чужой и густой
Табака и спермы,
На полу Михайло Коцюбинский —
“Фата Моргана”.
Среди посуды побитой
Девушка Ганна.
Кефир “Галичина”
На синей скатерти мятой.
Сегодня у Ганны был первый мужчина,
Четвёртый и пятый.
В сжатой ладони клочок
Волос, как шерсти собачьей.
Она смотрит на потолок
Хочет заплакать. И не плачет.

Назову тебя братом и прокляну
Закидаю бомбами, подожгу амбары
А своим скажу, что ты начал войну
А своим построю поуже нары

Назову тебя братом и отберу
Дом, собаку, ребёнка, жизнь и поле
А своим скажу — лучше я умру
Чем позволю брату уйти на волю

А мои-то что? Дома все, в тепле
Верят каждому слову, мои бомбы славят
Кто не верит — пусть повисят в петле
Или пусть со свистом отсюда валят

Из чужих окон мне кричат окстись
Пожалей детей, весь их мир поломан
А мне пофиг всё, мне всё заебись
Что до мира мне? Все мои-то дома

Дом великоват, бедноват и стыл
Облупилась краска и ветер свищет
Загоню я брата сюда шоб был
Заживём все вместе на пепелище

Слово

В светлой комнате пахло лекарствами и смородиной,
Приходила кошка мурлыкать на покрывало.
Бабушка говорила про слово “родина”,
Ордена свои доставала.

Говорила о том, как шагали за эту родину,
Говорила о том, как считали каждую крошку,
Но ведь бабушка — вот она с кошкой сидит и вроде бы
Это страшно, но понарошку.

Это страшно, но ведь сугробы почти растаяли,
Это значит, что скоро будет большое лето,
И глаза у кошки — щёлочками янтарными,
Словно бабушкины браслеты.

Больше нет ни весёлой комнаты, ни смородины,
То есть — есть, но не та, а как смесь кислоты с водой.
И куда-то делось страшное слово “родина”,
Это, бабушкино, святое.

По сугробным лужам шагая, глаза отводим мы,
Непонятное горькое слово в губах катая,
Нет, букварь, расскажи, чем заканчивается родина
Та, с берёзками, золотая.

Будет лето — оно осталось большим и шёлковым,
Пусть мы все его проживём, попрошу о малом.
Кошка смотрит на суету янтарными щёлками
И взлетает на покрывало.

Четвёртый день

Человеку внутри меня двадцать пять недель,
Двадцать пять недель я и хлеб ему, и постель.
И когда я сейчас рыдаю или кричу,
То чему я его учу?

Человеку внутри метро вот уже три дня,
Он не знает света, но знает запах огня.
Он лежит на полу, на пледике, а вокруг
Столько глаз и рук.

Человеку в убежище стало недавно пять,
Он уже научился в нужный момент молчать
И не ныть “мама, мультик” и “это не та еда”,
Дети быстро учатся, да.

Мне плевать, сколько лет человеку внутри кремля,
Но тотчас же должна расступиться под ним земля,
И в том месте, где это, надеюсь, произойдёт,
Ни один росток не взойдёт.

Пусть слюна его станет мылом, а кровь дерьмом,
На надгробье его напишут “и поделом”,
Ну, а дети — пусть дети снова сумеют ныть,
Это будет конец войны.

Одиннадцатый день

Десятые сутки Пшемысль, Хребенне, Жешув.
Безликие длинные списки детей и женщин,
Но ты приглядишься — на крошечный миг на самый,
Оттуда смотрят Олеси, Жени, Оксаны.

Замёрзшие дети — тихие, словно мыши.
— Куда вы сегодня?
— Наверное, на Пшемысль.
— Мы вышлем машину, пожалуйста, не теряйтесь.
Замёрзшие дети с усталыми матерями.

Из города Львова едет семья с котами
А вот из Полтавы — надеюсь, что с паспортами.
И что говорить, как выбрать слова тебе, им?
— Мы будем в Хребенне. Нас вывезут из Хребенне?
— К вам выедет Петер.
— Выслали, скоро будет.
— А нас не забудут? Найдут, приютят, разбудят?
И ветер холодный в трубке, как нож, скрежещет.
— Вы слышите — Жешув. Езжайте скорее в Жешув.

— Мы едем.
— Мы встретим.
— Пишите.
— Мы вам напишем.
Десятые сутки Жешув, Грушив, Пшемысль.
Трёхлетние щёки обветрились на морозе.
— Дежурные, мы ведь вывезем?
Мы вывозим.

Тратата, тратата,
Мы везём с собой кота,
Чижика, собаку.
Главное — не плакать.

Сорок третий день

Это те, кого, если встретишь на улице,
 нужно скорее сваливать,
 Те незнакомцы, с которыми мамы запрещали
 нам разговаривать.
 Потные руки, в метро в час пик хватающие за колено,
 Подростки на даче, которые меня трёхлетнюю
 заставляли трогать их члены.

— Но есть же другие — пицали мы —
 другие, со светлыми лицами!
Тот, кто по-настоящему смел,
 бьёт монстров, а не боится их,
Не заслоняется цифрами и таблицами.
— Чего ты боишься, малыш?
— Боюсь бабушки и полиции.

Это те, от кого когда-то с тобой бежали мы,
Эти — вооруженные антискрижалями:
Воруй, убивай, насилуй тех, кто слабее,
Если нашёл непохожих — бей их.
Непохожих, чьи двери были для нас раскрытыми,
Этих, с гитарами, книжками и гастритами,
Приходишь к ним и тихонечко просишь — спой-ка,
Белое золото, тоненькая прослойка.

Посидишь у них, наберёшься весёлой придури,
Соберёшься, выйдешь и слышишь:
— Эй, вы там, пидоры,
Закурить не найдётся? Да стой, мы пока не тронем.
Те, чей мир был ещё до рождения похоронен.

То, чего боялись мы, от чего мы с тобой уехали,
Перестали бороться, стали просто прорехами,
Не смогли спасти ни голубя, ни кота.
И по контуру сгущается темнота.

Темнота идёт тошнотворной волною ужаса,
Ты пытаешься спрятаться, скрыться,
но как ни тужишься,
Ни единого шага сделать не удаётся.
— Чего ты боишься, малыш?

— Боюсь смерти на дне колодца,
Что ты скажешь ему, человек со светлым лицом?
Что споёшь ему, лежащему перед крыльцом,
Глядящему из-под длинных ресниц
в пропавшее, неживое?
Ничего я ему не спою.
Я вою.

Сорок восьмой день: надежда

Те, кто решили этой весной родиться,
В ней собирались смеяться и наслаждаться
Прыгали в животах, не могли дождаться,
Где же ты, где же?

Братца, что этой весною сумел родиться,
Мама назвала Яриком, а сестрицу
Как же? Надеждой.
Оба явились в одну из тяжёлых ночек
Ярик был очень маленький, как щеночек,
И не заплакал, а запищал сначала.
А вот Надежда — эта была большая,
Брата толкнула в сторону, не мешай мол,
И закричала.
Так закричала, что стены враз задрожали,
Так, что собаки уши к щекам прижали,
Так, что мамыши, что в том же углу рожали,
Тут же родили.
Так, что враги задохнулись там же, где спали,
Танки покрылись ржавчиной и распались,
Швы прохудились.
Главный проснулся в кошмаре и крупной дрожи,
Хочет уснуть, пытается, но не может,
Пот с него градом.
Будто бы стены смыкаются, как в подвале,
Будто кричит ребёнок на покрывале:
Вам тут не рады.
Так уходите подобру-поздорову,
Не приносите горя чужому крову,
Надя кричит и щёки её багровы,
Ярик бормочет.
Будет весна — красивая, как и прежде,
Будет надежда, ведь где-то кричит Надежда,
Ест и хохочет.

Катя Капович

Бостон

Военные хроники

Украина, март

Женщина тащит рюкзак,
ужас в застывших глазах,
мальчик ведёт двух собак,
сумка и скрипка в руках.

Катит мужчина тележку
в старом пальто нараспашку,
в ней всё лежит вперемешку:
Библия, вещи, дворняжка.

Бабка и внучка Натаха
тянутся в поле пологом,
виснет шлагбаум, как плаха, —
с Богом, любимые, с Богом!

Мерзнет старик в одеяле,
хутор его разбомбили.
Что он бормочет в печали?
“Лучше б лежать мне в могиле!”

Это уже, извините,
что-то за гранью сознания.
Снега бесцветные нити
видят они на прощанье.
Труп, у дороги сидящий,
тут в двадцать первом столетье,
лучше расскажет, чем ящик,
что происходит на свете.

* * *

И мысленноходишь ты в те времена,
где пули заместо дождей,
где падает бывшего дома стена,
где женщины прячут детей.

Где девять отцу и где матери семь,
и кружится аэроплан
со свастикой на фюзеляже над всем,
где поезд идёт в Киргизстан.

Вновь в аэроплане убийцы лицо,
течёт тонкой струйкой огонь.
Не курицы ль раньше здесь было яйцо,
что с детства глядим это сон?

Земля Украины в кольце чёрных войск,
снаряды летят сверху вниз
на Киев, на Харьков, Ивано-Франковск,
и некому молвить: “Проснись!”

К Украине

Вот одним дан приказ убивать,
а другим — только не умирать,
зубы стиснуть, дома защищать,
выговаривать “блядь”.

Пусть стоит над землёй этот крик —
у войны свой язык.

От мирян до солдат твоих,
Украина, останься в живых!

Зло есть зло, а добро есть добро.
Всё другое старо.
Расползается крови пятно.
Оставайся в живых всё равно.

* * *

Пусть однажды безызвестно сгину,
истрепавши поминальный креп,
только дай взгляну на Украину,
на освобожденный синий Днепр.
Налюбуюсь на родные лица,
храм Софии к небу по пути,
редкая отчаянная птица,
долетевшая до середи...

* * *

Тот дом, где я росла, где был вишнёвый сад
в станице Ливенка, где было солнце в мире,
в четвертый день войны разбил российский Град,
сравнял с землёю все его стены четыре.

Там лишь чернеющих обломков скучный вид,
нет окон, полных солнечного света.
Теперь в моем саду лежит, как рыба-кит,
здесь неуместная сгоревшая ракета.

Кусками льда вода белеет на пруду
из детского совсем простого пазла —
так память пробует заполнить пустоту
и собирает по частям пространство.

Чего добился ты, убийца-бомбардир?
Ты только разломал фасад моей станицы,
ты стены разбомбил, но есть небесный мир,
в нём всё любимое в пространстве дней хранится.

Когда мы победим, а мы ведь победим,
восстанет белым дом под черепичной крышей,
и это знает сад, и деревом одним
уже готов цвести и губы клеить вишней.

* * *

В последнем решительном акте трагедии “Лир”
Шекспир описал наш с тобою обманутый мир:
свои оказались чужими, и зло беспощадно,
один лишь безумец глаголет высокую правду.

Его понимает один героический шут,
отчаянный комедиант и считатель минут.
Наш мир, словно Лир, умирает. Тащите пятак!
Мы думали: сказка. А вышло всё именно так.

* * *

“День был весенний, хороший,
выла сирена в округе
только два раза из рощи”, —
пишет подруга в фейсбуке.

“Похоронили соседку,
сердце её подкачало,
в холмик поставили ветку”, —
пишет она из подвала.

“Господи, в чём мы виною?
Нас убивают. Дай силы.
Город сравнивали с землею”, —
пишет она из могилы.

* * *

В эти месяцы страшной войны
все любимые разлучены,
время — вечностью стало по Гринвичу,
широта с долготою горят,
на кресте наших координат
полыхают небесные тысячи.

Речи носит лишь ветер-шельмец:
“Я убит за родимый Донецк

разрывною гранатой в дозоре”.

“Я полёг в Мариуполе в ров,
защищая пространство дворов
возле самого синего моря”.

Голоса, голоса, голоса...

И, когда закрываешь глаза,
всё равноих отчётливо слышишь:

“Я — пилот, я сгорел в вышине,
передайте отцу и жене”.

И то дышишь, то снова не дышишь.

* * *

Вот грохочет самолёт, крутится нелепо,
дайте Украине быть, защитите небо!

На вокзал спешит народ, нам родной издревле,
дайте Украине быть, защитите землю!

Вот грохочет миномёт, вот летит граната,
вот играет музыкант Лунную сонату.

В мир врывается весна, после будет лето,
дайте Украине быть, защитите это!

Всё другое на потом, зарубите что ли:
“Ще не вмерла України і слава, і воля”.

Гражданская оборона

Сейчас, когда все приветствуют денацификацию
В едином порыве
Хочется напомнить, чего опасаться
При ядерном взрыве.

Происходят события архиважные
Рукоплещу, не жалея ладоней,
Но хочется, чтобы не забывали граждане
Об Гражданской обороне.

Безопасность наша резко усилилась в мире
Это является неоспоримым фактом
Но у атомного оружия остаются четыре
Поражающих фактора.

Находясь в любом месте
Помнить мы все должны
Как минимизировать воздействие
Например, ударной волны.

Увидев вспышку огней
Необходимо лечь на живот
Ногами по направлению к ней,
А не от.

Кисти рук убрать под себя
Чтобы избежать теплового поражения
Украдкой гениталии теребя,
Застыть в таком положении

Мордой уткнувшись в глину
Ровно так, плоско лежать
И радоваться, что Украина
Перестала нам угрожать.

Шансон

Наша водка безо льда
На три четверти пуста
И уже совсем не та.
Стриптизерша у шеста.

Допивай скорей до дна
Кабаки полным-полны
Торопливо пьет страна
В ожидании войны.

От стекла не оторвать
Пересохшие уста
Это слаще чем лобзать
Стриптизершу у шеста.

Зря грустите вы мадам
Обнимая скользкий шест
Повстречаемся мы там
Вдалеке от этих мест.

Через гусеничный след
Среди крови и огня
Ты потащишь в лазарет
Ясна-сокола меня.

Этот столик у окна
Эта стойка у стены
Пьет усталая страна
В предвкушении войны.

Призывной наш контингент
Наливай, брат наливай
Обещал нам президент
Что отправит сразу в рай.

Мы поверим Главковерху
Он известный нелегал
В небеса под видом стерха
Он нередко проникал.

Все polegшие в бою...
Весь глубинный наш народ,...
Интересно, там в раю
Проверяют куар-код?

Это нам, конечно, шанс
Подкупить Господень суд
Только есть один нюанс
Водки там не поднесут.

Я портянки постирал
Остро наточил штык-нож
Прикажи мне генерал
Я не сдам родную рожь.

Ох, прибавится могил
Ох, застынет караул.
Если вдруг не пошутил
Наш начальник-балагур.

На иконе скорбный лик
Все мы держимся основ
Он у нас большой шутник.
И известный богослов.

Мирно допивай до дна
Кабаки полным-полны
Терпеливо пьет страна
В продолжение чумы.

Санкт-Петербург

Ангелы ходят на цыпочках, снуют на цыпочках,
Ангелы не знают силы тяжести, притяженья земли,
Той земли, что взяла и засыпала, с головою засыпала,
Из под которой достать не смогли.

Хотите кофе, подлить молока?

А над рукой, повыше, ну, что тут теперь поделаешь,
Не дергайте, говорят, будет больно, оно приросло,
Да, конечно, если хотите, можно не белое,
Только убрать не получится — ваше крыло.

получается быть счастливыми.

Ой, простите... простите... простите... прости... прости...
А, хотите, мы вам вырастим дерево? Настоящее дерево,
С гамаком, как у бабушки во дворе?

Покачаетесь? Кошка нет, кошка через неделю ещё,
А пёс через десять лет, его будут беречь.
Ну, конечно, вы не готовые, совсем не готовые,
Так ни с людьми нельзя, и ни с кем вообще,
Но хотите дерево? Оно будет как старое, хоть и новое,
И, быть может, каких-то ещё знакомых вещей?
Чтобы ночь и поспать? С утра все выглядит проще.
Пригасить вам звёзды? Одеяло? Может кто-то озяб?
Ангелы оставляют дежурных и уходят
рыдать в небесные рощи,
Потому что нельзя так. Ни с людьми,
ни с ангелами, ни с кем нельзя.

* * *

Расцветает новая наша жизнь.
Одни уезжают, другие пишут “держись”,
Третьи кричат “где ты был восемь лет назад”.
Я учусь смотреть этой жизни в глаза.
(Ехал князь на белом своем коне,
Ехал князь, мечтал о большой войне,
Примерял венец, умами овладевал,
Генералиссимусом ещё не бывал.)
О причинах твердят мудрецы, о врагах толпа,
Но в одном едины — подорожает крупа,
А когда не станет даже и той крупы,
Помоги нам Боже не стать едой для толпы.
(А у князя война подрастает в дому,
Умилительны ручки-ножки войны ему,
Про победу он ей поет, про благую цель,
И урановых птичек сажает на колыбель.)

Повседневным кошмаром пытается стать тщета,
Нет ни старым ни малым ни плаща, ни щита,
Бред сюжета — дорогу в каменные века
Охраняют космические войска.
(Думал князь, что взял войну сиротой,
А война семью позвала к нему на постой,
Смерть, чума и голод пахарей и солдат
Съели, а теперь на князя глядят.)
Я не знаю, что с нами будет и будет ли,
Все надежды на что-то где-то теперь вдали,
А пока в нашем доме, сдуревшем от новостей,
Брат мой, даун, читает “Евангелие для детей”.

В год египетских казней

* * *

Мир продолжает меняться: скумбрии против сардин,
ночью — минус двенадцать, утром же — плюс один,
минус двенадцать апостолов в карты на интерес,
по лбу стучали и по столу, но только один — воскрес.

Вишня цвести раздумала: чем ей цвести и по ком,
соchi, одесса, юрмала — всюду сплошной дурдом,
кашляет, врёт, извиняется бывший главврач зимы,
это не мир — меняется, это свихнулись — мы.

Нам не прочесть верительных грамот в своих гробах,
в бутиках для смиренных трусиков и рубах,
счастье стреляет пробкою, чтобы попасть с трудом —
в юность с чудесной попкою, в старость с беззубым ртом.

Падает снег, взрывается — листья насквозь летят:
в эту войну — влюбляются и эту войну — хотят,
произойдёт вендетта из-за тебя, сестра —
между бойцами света, между людьми добра.

Сдохнут во тьме враги и прочие сорняки,
это умрут другие дети и старики,
спросит в ноль-ноль двенадцать мальчик одной страны:
чем мне теперь заняться, как же я — без войны?

18.02.22

* * *

Смерть, не ходи за мной, а сам-то, а сам —
так и брожу обезьянкой судного дня,
господи, не гони меня, обращаюсь я к небесам:
куда ты — туда и я, куда ты — туда и я.

Первый, первый, приём, это — шестой, шестой,
мир — жесток, но у каждого — свой шесток,
дай мне глоток — и воскреснет наш сухостой,
ты — в сортир, и я за тобой — в лоток.

В каждой клетке моей — вода, и вода хранит —
терабайты памяти, свод о земных делах,
это — мрамор, господи, а это — сплошной гранит,
это — будда, господи, а это — акбар аллах.

Видишь больную музыку, пепельную на вкус,
слышишь, цветёт война и пустынь её края,
умер пушкин сегодня, он тоже — наш иисус,
пастернак родился десятого февраля.

Так и живу я, в расчёте на щедрый жест,
не состою, не участвую, господи, не стучу,
знаю, таких по возрасту, уже не берут на крест,
знаю, такие доноры — молча сдают мочу.

И я за тобой, по пятам, брожу не смыкая глаз,
пусть над долиной бессмертной тени мерцает мгла,
но если фонарик в твоём смартфоне давно погас —
испытай меня, господи, не убоюсь я — зла.

10-13.02.22

* * *

Ты помнишь картину — грачи прилетели
в советском учебнике для папуасов,
я помню картину — грачи улетели,
грачи улетели и умер саврасов.

Я помню омелу и ветки в омеле,
нет-нет, это — гнёзда висят без страховки,
был выстрел и сразу — грачи улетели,
а после — остались служить в третьяковке.

Хороший учебник — для старшего класса
херсонской, без громкого имени, школы,
весеннее небо, как мел для левкаса,
и первый глоток (из горла) пепси-колы.

Политинформация: нашим виднее,
куда направлять прогрессивные массы,
опять обострение в новой гвинее,
грачи прилетели, а там — папуасы.

А впрочем, стояла погода весенья —
в канун сотворения, в самом начале,
не зря эта церковь была — воскресенья:
где нас — отпевали, а после — венчали.

Когда я проснусь в обескровленном теле,
исполненный, всех примиряющей, силы,
и ты мне напомнишь: грачи прилетели,
а мы их — не звали, а нас — не спросили.

Тогда я надену косуху-шиповку
и вам намалюю другую картину:

грачи возвратились в свою третьяковку —
оставив в покое мою Украину.

04.02.22

* * *

Я откроюсь скифу и ромею,
греку, отходящему ко сну:
только я притягивать умею —
за уши ночную тишину.

Для чего умение такое:
для того, чтоб ты, не по злобе —
вдруг услышал новое, иное,
так необходимое тебе.

Это взлёт, а вовсе не упадок,
это не безмолвие мощей,
а совсем другой — живой порядок
рукотворных звуков и вещей.

Мир прозрачный, без фуфла и спама,
без гвоздей и битого стекла:
никогда не умирала мама,
всё сбылось, тупая боль прошла.

Что ты раньше слышал: плач ребёнка,
ближний взрыв, предсмертный хрип врага,
лопнула ушная перепонка —
кровью затопило берега.

А теперь ты слышишь те же звуки,
тот же злой и беспощадный свет —

далеко, как будто вы в разлуке —
навсегда, на миллионы лет.

Ты теперь ребёнка не обидишь,
не ограбишь, не предашь страну,
потому, что ты, отныне, видишь —
добрую, большую тишину.

Видишь сад, чтоб собирать беруши —
их так любит в яблоках она,
хочешь, я возьму её за уши,
и тогда — закончится война.

2021

* * *

Вот вырасту и стану первым —
во всех значительных вещах:
я был признателен консервам,
взрослел на ранних овощах.

Мечтал о звёздах под херсоном,
но парня встретила бахча —
в плаще с тяжелым капюшоном,
под руководством ильича.

И служба в армии по нервам
прошлась, с оглядкой на журфак,
и каждый был — немножко первым,
распространяя этот мрак.

Сквозь запах оружейной смазки,
сквозь беловежский геморрой —

я чудом выскочил из сказки,
как любознательный герой.

Чужими книгами запаслив,
меняя профиль на анфас:
и кем я — был, а был я — счастлив,
вот так, примерно, как сейчас.

Плетусь, по щиколотки в новом,
вдоль нескончаемой стены,
и голосую каждым словом —
за прекращение войны.

Деля сложенье вычитаньем,
смотрю и вижу прежний мрак,
и купол церкви, очертаньем,
похож на свёклу и буряк.

И улицы, в пучок моркови —
собрались с видом на закат,
здесь каждый вечер — вкуса крови,
такая вот петрушка, брат.

Здесь ливень: то с рыбацкой сетью,
а-то с авоськой держит путь,
и двадцать первому столетию
опять приходится свернуть —

Туда, где вьется теплотрасса
и окружает детский дом,
туда, где пушечное мясо —
живет в наборе борщевом.

* * *

Её охраняют бобры на цепи, шакал и гиена,
она умоляет: любимый, не спи, охрана — отмена,
и новые ветви сплетаются в щит, где старая рана,
родная, не бойся, любимый не спит, отмена — охрана.

Послушай последнюю русскую речь
в садах лицедейства,
а что еще можно поэту извлечь в ответ на злодеяства:
вот эти остатки живого ума в квадрате и в ромбе,
родная, не сплю — надвигается тьма упоротых зомби.

Они победили себя на войне и в телеэкране,
они поимели себя при луне и в морге, и в бане,
обычные люди воды и огня, и жертвы заклатья:
не рвите на части, не ешьте меня, о, сёстры и братья.

Когда лжесвидетели гонят пургу — нужна гигиена,
пускай предадут и уходят к врагу — шакал и гиена,
пусть белки спасают чужие миры и сны пионеров,
а с нами всегда остаются бобры приличных размеров.

Ты — дерево жизни и правды моей —
листва, древесина,
ты — суффикс, который важнее корней,
приставка для сына,
когда я опять никогда не умру светло и нетленно,
я знаю, ты скажешь святому петру: охрана — отмена.

2021

* * *

В год египетских казней — в туалете крестились:
после смерти прекрасней я не видел чистилищ —
инсталляция grohe с унитазом от hugo,
нас всегда было трое, мы приснились друг другу.

Вспоминая калугу, и в спортзале качаясь —
мы приснились друг другу, никогда не встречаясь,
все — любили физалис и воскресную мессу,
а когда просыпались — вспоминали одессу.

Православный католик, мусульманин-агностик,
жил обрезанный толик и вцерковленный костик,
жил, хвораая на почки, в холостяцком отеле —
я, женатый на дочке, а чего вы хотели?

Мы не брали кредиты, мы не спали в версале,
мы — простые бандиты, мы — планету спасали:
от собак баскервили и от сыщика монка,
и случайно убили в перестрелке ребенка.

А чего вы хотели, да всего понемногу,
мы свинину не ели, мы сожгли синагогу,
дьявол прятался в шпроте, в глубине карамели,
в складках сердца и плоти, а чего вы хотели?

Добрых, правильных, годных для креста и лабаза,
тех, кто кормит голодных, тех, кто поит без газа,
кто святые подметки на ходу отрывает,
не пьянеет от водки, а таких — не бывает.

Каждый будет смиксован и помножен на нолик:
ближе к звездам и совам станут костик и толик,
ангел-водопроводчик их разбудит трубою,
ну а я, ваш наводчик — стану только собою.

Каждый — будет измерен, будет назван и взвешен,
бог — серебряный мерин, как всегда — безутешен:
вдоль, по кафельной плитке, мимо профтехучилищ —
он везет нас в кибитке чередою чистилищ,
через красную пресню, через гегелей-кантов,
под бессмертную песню бременских музыкантов.

2021

* * *

Говорят, что смерть — боится щекотки,
потому и прячет свои костлявые пятки:
то в смешные шлепанцы и колготки,
то в мои ошибки и опечатки.

Нет, не все поэты — пиздострадальцы, —
думал я, забираясь к смерти под одеяльце:
эх, защекочу, пока не сыграет в ящик,
отомщу за всех под луной скорбящих —
у меня ведь такие длиинные пальцы,
оуенно длинные и нежные пальцы!

Но, когда я увидел, что бедра ее — медовы,
грудь — подобна мускатным холмам Молдовы,
отключил мобильник, поспешно задернул шторы,
засадил я смерти — по самые помидоры.

...Где-то на Ukraine, у вишневом садочку —
понесла она от меня сына и дочку,
в колыбельных ведрах, через народы,
через фрукты –овощи, через соки-воды...

Говорят, что осенью — Лета впадает в Припять,
там открыт сельмаг, предлагая поесть и выпить,
и торгуют в нем — не жида, не хохлы, не йети,
не кацапы, не зомби, а светловолосые дети:

у девчонки — самые длинные в мире пальцы,
у мальчишки — самые крепкие в мире яйца,
вместо сдачи, они повторяют одну и ту же фразу:
“Смерти — нет, смерти — нет,
наша мама ушла на базу...”

2011

* * *

нахлынет наречия пряча
в густых двоеточиях речь
прости что ни речи ни плача
в разлуке не смог уберечь

со струпьями страха на коже
к какому соваться врачу
когда тебе больно я тоже
всей памятью кровоточу

но память упорная сводня
в торосах азовского льда
где твой мариуполь сегодня
открытым свищом навсегда

не слипнуться векам над бездной
но речи увечна черта
лишь русский язык бесполезный
помойной кишкой изо рта

лишь лепет под градов раскаты
и лед словно лава бугрист
где чертит свои лемнискаты
щербатый с косой фигурист

Продолжение следует

николай наш васильевич гоголь
в промежутке отпущенных лет
понаписывал мало ли много ль
мертвых душ продолжения нет
оставляем на авторской совести
суесловия тщетную течь
если есть продолжение повести
продолжение следует сжечь

в этой жизни течении скором
тиражами штурмывая печать
так увлечься легко разговором
что утратишь искусство молчать
если точка в конце предложения
исключает дальнейшую речь
то не нужно уже продолжения
продолжение следует сжечь

отпорхав как болтливая сойка
заглянув этой правде в глаза
понимаешь что сказано столько
что забрал бы назад да нельзя
есть рецепт избежать поражения
в ножны вовремя вложенный меч
и в ответ на соблазн продолжения
продолжение следует сжечь

Фанфик

ты помнишь наверное эти края
мне баснями память не парьте
отчизны в оглоблях моя и твоя
с резьбой непристойной на парте
с младенчества бред михалкова с барто
назгулы с трибуны в квадратных пальто
на каждой макушке федора
стенала страна под шипастой пятой
мы шли в непогоду по местности той
кольцо вызволять из мордора

пятнадцать колец для погибших сердец
готовить к забою пятнадцать овец
которым свои носовые тверды
стальное для тронного зала кремля
чтоб править назгулам и овцам веля
и семь про запас из орды

ты помнишь в последний мы верили раз
взлетали копье и дубина
и гоблины злобно глядели на нас
в упор в кинескопе рубина
мы жили тайком языки проглотив
где речь обрывается в ненорматив
но стену обрушили сходу
и тени в зените прервали полет
все кольца растаяли в тигле как лед
последнее кануло в воду

пятнадцать колец возвестили конец
которые выковал мертвый отец
с конями чудовищ смывала река
отцовский на детство не действует страх
хоть нету колец у потомства в ноздрях
с последним проблема пока

и вот мы стоим у финальной черты
твердыни мордора второго
где отблески касок и морды черны
а кровь на брусчатке багрова
скелетом стуча на примерку оков
сосюру из башни зовет михалков
барто посочувствует тανε
но жертвенной плоти не тронет огонь
отрубленный палец родную ладонь
найдет на небесном майдане

борщ

когда настал конец всему
пожар окрестных рощ
весь горизонт увяз в дыму
а мы варили борщ

мы шум снимали поскорей
мы жгли последний газ
покуда залпы батарей
нащупывали нас

я встал и подошел к окну
где взрывы чуть моргни
где нам кровавую луну
развесили они

уже вертелись как юла
покойники в гробу
и кто-то вскинув два крыла
уже трубил в трубу

оскал обрушенной стены
предсмертный визг котов
и оклик мне из-за спины
садимся борщ готов

мы ляжем вскорости костями
но борщ не пропущу
не пропадать же черт возьми
хорошему борщу

* * *

попутчик совал сапоги в стремяна
над шапкой свистела эпоха
была у нас в детстве родная страна
вот только запомнили плохо
мы братья-найденыши нас в решетке
спасли бессловесными добрые те
кто после вскормил на чужбине
и мы возмужав возвращаемся в дом
за садом вишневым за рыбным прудом
наверное в ближней ложбине

вот спешились оба с крыльцом наравне
к поре возвращения с поля
и видим вся хата пылает в огне
в руинах амбар и стодоля
вперяясь орбитами в блеск пустоты
вповалку что люди лежат что скоты
забрали всю утварь и сбрую
обугленным цветом сирень отцвела
винтовку мой брат отстегнул от седла
и мне предлагает вторую

отныне мы воины в битве святой
рабы безнадежного дела
последние мстители родины той
что нас полюбить не успела
не надобно нам ни попа ни врача
покуда винтовка в руках горяча
мы поздно припали к основам
но жизнь продолжается правда как сон
на том языке на котором ни он
ни я не владеем ни словом

заметки театрала

чуть смеркнется к театру подрули
в скрипучих френчах рыщут патрули
по всей брусчатке в щупальцах багровых
костров головоногий бурелом
надсадный кашель церберов дворовых
ракета в воздух залпы за углом

зачем я с ними и кого я жду
на вековую обречен вражду
столетия изношенная шкурка
как со змеи чешуйчатый чехол
сквозь звезды траектория окурка
и сердце на цепочке как щегол

вот фосфорные светят под травой
в траншеях кости первой мировой
бечевкой век плотовщиками связан
дрейф времени как веер на воде
в каком году шрапнелью или газом
и адресок на сомме или где

весь мир театр но касса лишь для тех
кто жаждет рвотой одобренных утех
едва украдкой всхлипнешь о потере
как собственный в пробоинах каркас
все норовишь пристроиться в партере
врешь на подмости выплюнет как раз

испанка в глотке вся шинель мокра
авроры в небе нежная игра
вверху налажен цикл беды и ссоры
хоть сотня лет биноклями до нас
из эридана в рупор режиссеры
брось роттердам выкатывай донбасс

и та которая пришла за мной
окинет взором горизонт земной
на елках догорают клочья ваты
и комиссар курок покорный взвел
зачем цветы уже в брусчатку вмяты
зачем патрульный поднимает ствол

из-за угла мигнул фонарный глаз
успею ли взглянуть в последний раз
на зыбкий свет лиловую кайму
на божий мир сползающий во тьму

чайник

чуть полгода прочь приезжает всадник
мы сидим в избе на овсе и квасе
разбирает задвижку меняет сальник
отбывает дальше по снежной трассе
в остальные слабые пункты схемы
это кровь земли на которой все мы

мы живем не помним с которой даты
на снегу кругом кровавые пятна
иногда на запад толпой солдаты
иногда другие бредут обратно
хорошо оставят с полмиски каши
недопитый штоф вот ихватишь лишку
кто тут враг пойми а какие наши
все лучину жжем да читаем книжку
научили нас кирилл и мефодий
год слагается из двух полугодий

есть места на свете где меньше снега
даже слово у всадников есть погода
там вода как из чайника льется с неба
там светает чаще чем раз в полгода
приходил медведь почесать загривок

арматуру запорную снес как спичку
рыбаки в той книжке ловили рыбок
но пришел чумовой и закрыл кавычку
вот последний с алыми галунами
опростает кружку попросит супа
вечный чайник милость пролей над нами
полуштоф бегом из буфета сука
со стрехи солома и воздух спертый
мы считали всадников он четвертый

une saison en enfer

со вчерашнего мы на самообслуге
наш ад закрыли на капремонт
у них так каждую тысячу лет
но откуда мне знать салаге
получается вроде летнего лагеря
весь персонал на стройке работаем сами

если даешь хорошие результаты
ставят мастером на три дня
потом другие три дня работают с тобой
в полевых условиях непросто
но бригадир коля заморин
научил всему что знает
как правильно развесить щипцы и крючья
чтобы снимать не оглядываясь
как смывать смолу с рабочей поверхности
с колея раз выпивали еще там наверху

мы-то люди но есть еще и пришельцы
их немного и они какие-то слабонервные
прежде чем приступить к работе
плачут и целуют объекту ноги

сегодня у меня работа со скальпелем
объект уже пристегнут руки-ноги
тихо скулит но конечно без пользы
я все делаю как учил коля
сначала надрез от подбородка к промежности
потом крестообразно поперек
и все прекрасно скатываешь руками
родинка под левым соском хорошо знакома
все-таки столько лет провели вместе
она конечно тоже узнала

на этом месте я обычно просыпаюсь
я маленький мальчик сижу на высоком обрыве
в штанишках на помочах
я может быть синеглазый и в золотых кудрях
но лень спуститься к реке и посмотреть
над рекой розовые облака а далеко слева
белые домики в черепичных крышах

рядом ящик с опилками в нем морские свинки
их три и я знаю их имена потому что называл сам
вера надежда любовь они поблескивают глазками
и с писком жмутся ко мне
в кармане ножик я беру надежду
и принимаюсь потрошить
эту привычку уже не стряхнешь

Детский альбом

(детский сад, старшая группа)

“Разве Ваня виноват,
если папа бесноват?

Разве Таня виновата,
что в руке его граната?”

“Нет, никто не виноват!” —
отвечает детский сад.

(средняя школа)

I.

Вот Крым,
который так русским народом любим.

2

А вот Донбасс —
для отвода глаз,
чтоб вытеснить этот бессмысленный Крым,
который так русским народом любим.

3.

Вот Сирия,
на хрен, конечно, она
вообще никому не нужна, но годна,
на то, чтобы вытеснить этот Донбасс,
введенный в рассказ для отвода глаз,
чтоб вытеснить этот бессмысленный Крым,
который так русским народом любим.

4

Вот беженцы
заполонили Европу,
как стадо мохнатых и черных зверей,
насилуют женщин, свиней и курей
(сходи за подробностями к Бутенопу):
они вытесняют вонючую Сирию,
включенную в эту четвертую серию,
чтоб вытеснить этот вонючий Донбасс,
введенный в рассказ для отвода глаз,
чтоб вытеснить нахер бессмысленный Крым,
который так русским народом любим.

5

Вот трубы трубят, и источники вод
окрасились кровью и стали горьки,
и с горочки Некто спустился и ждет,
когда притекут к Нему, из-под руки
глядит: не текут ли народы на суд?
Народы текут. Транспаранты гласят:

6

“Вот Армагеддон,
все знают, что он
являет собой, очевидно, потуги на
то, чтобы вытеснить дело Ролдугина,
которое было затеяно, чтоб
забыли о беженцах, дабы никто б
не вспомнил о сраной бессмысленной Сирии,
придуманной, в общем-то, чтоб вы спросили и
вмиг позабыли мудацкий Донбасс,
введенный в рассказ для отвода глаз,
чтоб мы позабыли свой ласковый Крым,
который так русским народом любим:

7

там море и пальмы, там лагерь “Артек”,
там солнечным тело намазано медом,
там пахнет, как в тысяче райских аптек:
венозную кровью, карболкой и йодом”.

Анатомия рессентимента

при сталине ипотека была 1 %
баррель стоил 100 000 долларов
за копейку можно было купить все акции эппла
а бигмаки и кока-колу
в цпкио раздавали бесплатно
прекрасные пионерки

предкомсомольского возраста
в белых передниках
многоточие

при сталине нравы были кристальны
польта приталены
взоры пристальны все враги порасстреляны
да винтовочки стальные куда надо понацелены
фабрики-заводы все досрочно достроены
в столовых крахмальные скатерти постелены
на них рюмочки хрустальны по уставу порасставлены
все писатели-поэты разных премий удостоены

вот прогоним себя
и заживем
как при сталине

Из Ходасевича

Проводят акцию “Кашеев полк”.
С трибуны лыбится серый волк.

Змеей по площади ползет толпа,
на палках качаются черепа.

Прошлогодние листья, задорный прах,
несутся в атаку по мостовым.

Ветер посвистывает в черепах.
Черепки улыбаются постовым.

С запада запах плоти летит.
Зомби нагуливают аппетит.

Слюна ползет из каждого рта.

Пестрая лента черным-желта.

И глядя пристально на нее,

Святой Георгий заносит копьё.

Сбой связи

Пока еще работает почта
Пока еще работает гугл,
Ты просишь сообщить тебе срочно,
Кто мы теперь друг другу.
Ты — атомная подлодка,
Захлебывающаяся в волнах.
Я — русский военный корабль,
Послушно ушедший нах.
Пока еще работает почта,
И небо не закрыто от НАТО,
Ты просишь указать тебе точку
С моими координатами.
Я вижу только черное море,
Насколько хватает глаз.
Свихнувшиеся приборы
Со спутниками рвут связь.
Пока еще уходят посылки,
До первого-второго числа,
Пока еще можно кликнуть по ссылке,
Ты спрашиваешь, что мне прислать.
Пришли мне мою красную шапку,
Пришли мне мою чашку с сычами,

Пришли мне крики с детской площадки
С солнечными лучами.

Пришли пятно вина на паркете

И метки карандаша на обоях,

Пришли мне, как росли мои дети,

Пришли нашу игру в морской бой.

Кораблики, по которым стреляли,

Клеточки, которые обводили.

Когда сами еще не были кораблями,

Когда сами еще были людьми мы.

И лай моей собаки, у двери

Встречающей тебя среди ночи,

Пришли мне — и тогда мы проверим,

Действительно ли работает почта.

* * *

и пока ты всматриваешься в мир,
за войною — голод, чума и смерть
собирают войско своих проныр.
держишь двери:
— не смей, — им кричишь, — не смей!
а они обходят со стороны,
ищут там, где теплей и лучше
и ложатся дочери и сыны
гостомелем, ирпенем, бучей
и пока ты удерживаешь ад —
пишешь, пробуешь и пытаешься,
просто просят больше не присылать
нутрилон
симилак
и памперсы

* * *

какая б не пришла в наш дом беда,
чума, война, любой несчастный случай —
история нас учит, что всегда
история нас ничему не учит

хотя бы то запомни, что когда
хотят убить — запоминай получше —
когда хотят и говорят — да, да!
да, будут убивать, да, будут мучить

тяжёлый воздух, талая вода,
давай, малыш, мы поскорей заучим
два телефона, имена,
домашний адрес, город? ... город буча

Никто никогда и нигде не рад беженцам
Просто прими это просто пойми моя милая
Просто не расстраивайся что мы именно беженцы
А не приличные люди из приличной земли
Беженцы это не почтенные мигранты
Отступающие со всем возможным достоинством
На заранее подготовленные позиции
Кредитоспособные достойно одетые
Заранее изучившие местный язык и фольклор
Беженцы это придурки растерянные
В четырехдневных штанах воняющих хуже Лазаря
А кто этот Лазарь вонючий ты спросишь
Ну был один такой бедолага рассказывали
У дверей богача валялся вонял
Мешал нормально жить и оскорблял все чувства
Собаки еще его особенно любили
Лизали язвы — собачья слюна целебная
Видно Бог решил что за отсутствием людей
Надлежит обратиться за помощью к собакам
Верное решение, собаки всегда безотказны
А почему четырехдневный — я сам не знаю
С языка сорвалось не обращай внимания
Представь если бы у нас на улице
Когда все еще было хорошо и нормально

Поселились бы вот такие как мы с тобой
Ты бы тоже им была не особенно рада
Хотя пару раз вынесла бы им покушать
И рубашку старую отдала бы ненужную
Но когда каждый день — не напасешься рубашек
На четвертый день кончается обоняние
На четвертый месяц кончается сострадание
Никто никогда и нигде не рад беженцам
Лопочущим на своем языке непонятном
Не уважающим другую страну и культуру
Ни пирамиды ни статуи бородатые
Не отличающим Тутанхамона от Сатрахотепа
(Да плевать им на культуру, им бы ночлег подешевле)
Считающим что все им по факту должны
Потому что они откуда-то убежали
Сидели бы дома, пересидели бы как-то
Сезон в Египте срываю, места занимают
А могли бы приехать туристы богатые
Из Нижнего Тагила и Месопотамии
И всем тут плевать что я хороший плотник
Хоть стол хоть стулья хоть шкафчик сработаю
В Египте и своих плотников достаточно
Нечего претендовать на их рабочие места
И всем плевать что ты готовишь пилаф лучше всех
А поёшь так, что ангелы в небе утираются
Ты ведь поешь на дурацком языке
Которого тут никто не понимает
Кроме только меня и нашего мелкого
Ну что ты, Мария, ну что ты, любимая
Хватит уже плакать, главное — мы вырвались

Он у нас живенький, царь не прикончил
Погаными лапами не смог дотянуться
Мы такие удачники такие счастливы
Я пойду опять на биржу труда, попробую
Вдруг все-таки выгорит, не может не выгореть,
Потому что мы с тобой Богом поцелованные,
Хотя никто никогда и нигде не рад беженцам.

* * *

Мы не могли предположить.
Никто не мог.
Но надо дальше как-то жить,
Помилуй Бог.
Ведь только что купили печь
Микроволновую...
Почти что новую!
Куда ж нам плыть, куда ж нам бечь?
Ведь мы же клёвые,
Ведь мы обычный годный люд,
Безвредный, тихий.
Нас парил только Абсолют,
А также книги,
А также чем платить за свет,
Детсад на марше,
И как бы выкроить обед —
И фрикаделек, и котлет
Из пачки фарша.
Была проблема, что не сплю
Три пятых ночи.

Была проблема, что люблю,
А он не очень.
К чертям такую благодать
Про смену темы:
Все это были, вашу мать,
И не проблемы!
Не первый раз такая хтонь,
Что рады черти:
Вкруг нашей Трои ходит конь,
Набитый смертью.
Читаешь список кораблей —
Нет ничего его старей,
А также гаже.
Матросов не вернуть назад,
И не прощу, и не простят,
И я — себя же...
Кто ищет пафос этих дней
В подобной лаже,
Кто правит из дерьма елей,
Одной монетки в пять рублей
Не стоит даже,
Но он ведь тоже человек,
Помилуй Боже.
Ты вывозил который век,
И здесь поможешь?
Из банки сайры и галет
Управим брашно,
Люблю тебя, мой светлый свет,
С тобой не страшно.
Неважно это? Ну уж нет.
Лишь это важно.

* * *

Написал я “Прощенье” каламом в пыли,
Только алое вмиг прилило от земли
И окрасило буквы чернилами мира —
Кровью малых, которых на бойню свели.
Что ж, со слова “Свобода” решил я начать,
Но легла моя тень на письмо, как печать.
Я себе не судья, только это ко благу:
Когда кровь говорит, будут судьи молчать.
Как иссякнет песок в поднебесных часах,
Крик невинного громче, чем гром в небесах
Все расскажет за нас, позволяя умолкнуть:
Будет кровь говорить, будет слушать Аллах.

Сергей Плотов

Москва

* * *

— Я никогда не выстрелю в человека!

— А ипотека?

— Ну, разве что ипотека

* * *

Горизонт закрывает дым и просвета нет.

В партитуре беды не предусмотрена кода.

Грустный Бродский пишет письмо генералу Z,

Но генерал не читает писем врагов народа.

Генерал водит пальцем по пеплу краплёных карт.

Он врос в свою ставку, будто бы в грядку овощ.

Два последних союзника жизни —

инсульт и инфаркт —

Увы, не спешат пока приходить на помощь.

Генерал уверен — ему помогает Марс.

Полки маршируют, приказов не понимая.

И бесконечно тянется месяц март,

Не даря надежды, но и не отнимая.

Спец...

Слушай, барак,
Новый великий указ:
Здесь не бардак,
Здесь спец-порядок у нас.
Пусть над золой
Ворон встаёт на крыло —
Это не зло.
Это у нас спец-добро.
Хныкать не сметь!
Что б ни случилось — держись!
Это не смерть.
Это, товарищ, спец-жизнь.

* * *

Голиаф на пиру.
Выпивает и жрёт,
Обнимает подруг
Шутит шутки и ржёт.
Застревает еда
Между крепких зубов.
Он — любимец солдат
И блядей, и рабов.
Все глядят, трепеща.
Голиаф в кураже.
Но праща начинается вращенье уже.

* * *

Это не новости, это анамнез.
Не помогают ни спирт, ни каннабис.
Ужас шевелится под ключицей.
Не отключиться.
Скалится Мордор картофельной ряхой,
Нож под смирительной пряча рубахой.
Доктор лечение не практикует —
Вещи пакует.
Ох, золотая, дремотная Азия...
Может и правда нужна эвтаназия?
Да неужели им не икается?..
Каин не кается.

* * *

Был Андрюха бухнуть не дурак,
Спорил с тещей, болел за “Спартак”
И заначку имел от жены...
Это было ещё до войны.
Таня сбросить мечтала кило,
Чтобы к лету влезать в то, что шло,
Но срывалась и ела блины...
Это было ещё до войны.
Льву Семёнычу семьдесят пять.
В десять вечера брёл он в кровать
И смотрел неприличные сны...
Это было ещё до войны.
Глеб исследовал фазы луны.
Кот дурел с приближеньем весны.

Оле нравились все пацаны.
Бомж Василий лежал у стены.
Крики чаек и шелест волны,
Набегающей на валуны...
Звуки лопнувшей где-то струны...
Много было всего до войны.

Последний парад

Что ответим мы детям,
Если спросят они
Про безумные эти,
Окаянные дни?
Кинохроники кадры —
Перед фильмом журнал.
Не смотрели бы, кабы
Не открытый финал.
Подтянувши брючата,
Оттопырив зады,
Маршируют брусчаткой
Мародёров ряды.

Марш всё длится и длится...
И вокруг по весне
Всё бессмысленней лица,
А кольцо всё тесней.
Благо, песни задорны.
Благо, мысли просты...
Города, дом за домом,
Остаются пусты.

Надпись: “Jedem das Seine”

Так и рвётся туда,

Где “не всё однозначно”.

Всё. Для всех. Навсегда.

* * *

Пионерская гордость горела подобием вымпела,
Ты готов был геройски погибнуть в геройской войне
И реально жалел те народы, которым не выпало
Это трудное счастье — расти в самой лучшей стране.
Вымпел выцвел. Геройские войны — кровавое варево
Из словесной трухи и высоких идей требухи.
В небесах над тобой ни архангелов нет, ни Гагарина,
Ни того, на кого уповают, что спишет грехи.
Пролетают надежды над книжным Парижем фанеркою
И вопрос о свободе ещё на столетье закрыт.
А в серёдке души — там, где гордость была пионерская —
Только стыд за страну. Только стыд. Только ёбанный стыд.

Что делать?

Солить грибы. Не злить кукушек.

Носить угрюмость на лице.

Печатать шаг. Слетать с катушек.

Припомнить клейстера рецепт.

Побольше напустить тумана.

На пьедестал поставить шваль.

Наладить быт внутри романа

“Так закалялась Рифеншталь”.

45I

Играют ангелы на лютнях
Бойцу при знамени.
Когда горят дома и люди,
До книг ли в пламени?
Когда бежишь в одном исподнем
В луче фонарика,
Кто вспомнит Брэдбери сегодня?
Два-три очкарика.
Затихнут полковые флейты,
Закончив оперу.
Ну, сколько там по Фаренгейту?
А впрочем — похеру.

* * *

А чем завершается Родина?..
Не рамкой в аэропорту,
А хором придурков юродивых,
Истошно орущих: “Ату!”.
А может она завершается
Усердным трудом стукачей,
Строчащих доносы на улицах,
Что названы в честь палачей.
Так чем завершается Родина?..
Привычным бесстыдным враньём,
Разбойничьей песней застольною,
Которую с детства поём.
А может она завершается

Сознанием, что ты — имярек
И время стоит — руки за спину —
Шаг влево, шаг вправо — побег.
Вот чем завершается Родина —
Презрением холопов к тому,
Кто выйти из строя осмелился,
Что их неподвластно уму.
А также она завершается,
Тем страхом, что держит в тисках,
Тиранов тяжёлою поступью
И кровью на их сапогах...
Вот так завершается Родина...

* * *

Ждущих у входа нету —
Там не стоит свобода.
Мы превратимся в немцев
46-го года.
Новое поколение
Будет носить, не скинув,
Робу вины, презренья,
Взгляд исподлобья в спину.
Будет метаться днями,
Будет не спать ночами
И говорить с тенями,
Слыша в ответ молчанье.

Вылететь или остаться

Наталия Сивохина

Санкт-Петербург

— Взгляни, о ангел, на дом, неясно чем разорённый.
— Кем вы были в этой войне? — Пятой колонной.
— Что вы делали? Знамёна не целовали,
Что-то складывали, не с теми маршировали.
Оставляли цветное: “Люся. Милый, не убивай”,
И быстро садились в автобус или в трамвай.
— Чего хотели? Да трудно сказать об этом
Не сдохнуть, не сесть, там как-нибудь дотянуть до лета,
Мы, видишь, не только люди, сколько ночные тени,
Учим детей считать и знать имена растений,
За новостями лезем раз в день, но не чаще,
Что-то читали про ищущий да обрящет.
Где бы ты ни был, время играть на одной струне.
Счастья уже уехавшим мужества тем кто не

Сон о полку Игореве

Пролетит над полем — испачкает крылья птички.
И вольно ж, тебе, вор, звенеть о своём величье.
Что там чернь опять про войну на своей Каяле?
Не хоронены, не посчитаны, не стояли.
Половецкие танки вгрызлись в чужую глину.
Только полк не молчит — не едем мы в Украину.
Им грозят тюрьмой, а десантник от смеха плачет:

Провалитесь с контрактом вашим к чертям собачим.
Не рыдать поседевшим жёнам, зегзицам сизым,
И не гибнуть за терем твой да за телевизор.
Выбирайтесь сами из этой кровавой грязи.
И ушли они, навсегда оставляя князя.
Посылав погоны, закинули вещи в ранцы.
А не держатся в истории самозванцы.

* * *

Не выходи из бункера, не продолжай позора.
Что тебе остаётся кроме Роскомнадзора?
Разве что чёрный юмор мастера Тарантино:
Если ты сохранил гостинцы из Аргентины.
Пусть тебе вертолётами возят в коробках пиццу,
Нет чтоб остаться вором, на что полез в кровопийцы?
Не выходи из бункера даже с горы за спичками,
Запрись от своих секьюрити, электората, импичмента.
Не выходи из комнаты, не поднимай забрала,
Назначив из подземелья нового енерала,
Пока твой усатый кореш бормочет как привидение —
Откуда на Беларусь готовилось нападение.

* * *

Вот дом, что строит Иероним:
Стены каркас и дитя под ним.
Фрагменты тел, бесконечный бой,
Чистилище над тобой.
Вот дом, который построил Джордж.
Стоять, сучара, куда ты прёшь?

И дети сложатся в букву zet,
Вычёркивая рассвет.
Вот дом, который построим мы,
Из всех обломков своей тюрьмы,
Сгоревших танков, пустых стволов,
Бессильных сегодня слов.
Смотри, как пляшет огонь войны —
Мы ей не дочери, не сыны.
Наш дом смешон и ветрам открыт,
Но, может быть, устоит.

* * *

Около дома с не тем горшком —
Бросишь машину, пойдёшь пешком,
В лавку напротив зайди дичком:
Явка давно провалена.
Видишь, студенты идут во двор —
Следуй за ними и будь хитёр,
Типа не слушаешь разговор,
Рыбки достанешь вяленой.
Девочка с ценниками в руке,
Мальчик с голубкой на рюкзаке,
С ними ещё одна налегке,
С белой красивой розою.
— Если упустишь — пошлю на фронт,
Нет, я тебя не беру на понт,
Вот телеграмм и аккаунт вот,
Почта dubak_berozoviy.
Старый разведчик ушёл в запой,
Вместо него теперь мент простой:

— Броник на фюрере как влитой —
Вот он даёт, Куваев-то.
А на девятое — слышишь, брат,
Будет, сказали они, парад.
Шиш им на площади (тихий мат,
Дальше связь обрывается).
— Если столкнешься, скажи — сосед.
В белом окне зажигают свет,
Вышла в телегу радистка Кэт,
Пишет под ником “Раппочка”.
Эшник не знает своей судьбы,
Родина встретит свои гробы,
Пьяные руки её слабы.
“Ты не звони мне, мамочка”.

* * *

Вот солнечный жук, вот колесница жука.
Края ойкумены, ведомые пока,
Помечены краской на весёлой стене.
Детская сказка не думает о войне.
Где летает смертоносная стрекоза —
Можно только прятаться, зажмурив глаза.
Там страшные дяди, всё живое губя,
Палят не глядя — будто в меня и тебя.
А казалось, что мир вовсе не знает зла.
Тому свидетели озеро и скала,
Тростники, хранящие гнездо лебедей:
Они поручились за всех... Кроме людей

* * *

Прилепинские берцы как ядерная зима.
Убитые дети, разрушенные дома.
Трудно идти ко дну —
И крейсер не чужд батальному полотну,
Но даже с марки уходит на...
Уличные повадки, язык подворотни.
Боже, неужели вас действительно сотни
Или так кажется со стороны (от этого ора)?
Йолочки и берёзки pyzzкой vezны,
Цокающие гопники — оплот и опора
Армии сатаны, мы вам ничего не должны

Сидя за очень длинным столом,
Царь говорил с генералом.
Первый — за время его истеклом,
Второй — за потным забралом.
Главнокомандующий вопрошал
О танках, ракетах и прочем.
Забрало своё протирал генерал,
Слышал он тоже не очень.
Последний вопрос был: “А как там сейчас
В — ой! — на Украине?”

...С такого
предлога
и началась
Та, что идёт и поныне.

* * *

сперва ушла свобода слова
потом закончились слова
в конце одна осталась буква
и вот тогда ушли шрифты

* * *

Игорь устроил “перепись”:

— Друзья, напишите, где вы?

— Тульская область, Черепеть.

— Восемь лет под Женевой.

— В Москве.

— В Братиславе.

— В Ницце.

— В Лобне, и вряд ли вырвусь.

— Выписали из больницы,

Помните коронавирус?

— В Одессе.

— В Тбилиси.

— В Констанце.

— Ждём паспорта в Ереване.

— Никак не могу собраться,

Лежу и реву на диване.

— Не смейтесь, но в Эмиратах:

Были дешевле билеты.

— Дома под Прагой.

— В Карпатах.

А дома нашего нету.

— В Кракове.

— В Хайфе.

— В Рахове,

Скоро границу проедем.

А Аня сказала:

— Я в ахуе.

И все согласились:

— Соседи!

* * *

Москва. Всё почти как всегда. Светит солнце.
На билборде, где раньше был шкаф из Икеи,
Написано:
“Это место сдаётся”.

Город на тысячу километров южнее.
Билборд, снарядом у шкафа выбита дверца.
А місто?
Воно не здається.

* * *

Генералу небесного воинства Х.
Я молюсь из глубинки в море бедлама:
Я сейчас как луковая шелуха,
Я как будто мёртв, но имею сраму,
Дай на Пасху мне яйца, не для греха —
Написать Х и В на фасаде храма.

* * *

Рота сдавала в багаж
Айфон,
Сарафан,
Трикотаж,
Сундук,
Ноутбук,
Автокресло...
А плазма в танк не пролезла.

* * *

Пастор, увы, никогда не работал в IT,
Визы не будет, на лыжах придётся идти,
Шлаг улыбается, Штирлицу же не до смеха.

Гельмут сдаёт младенца радистке Кэт
И выходит на улицу на одиночный пикет,
Пули свистят, но он — немец, куда ему ехать.

* * *

Подоконник — прекрасное место для встреч:
Детская комната, вид на бескрайний простор.
Собрались тут герои, чтоб сон твой сберечь,
И неслышный ведут меж собой разговор.

Не пропустит царевна-лягушка стрелу,
И грозитя “вертушкам” копьём Дон Кихот,
Кот учёный в дозоре, а в самом углу
Чинит Карлсону двигатель кот Бегемот.

Дамблдор произносит заклятие “Нокс”,
Три мушкетёра с гасконцем стоят, как стена,
Саня Григорьев всю ночь прикрывает норд-ост,
С зонтиком острым Лукойе, ему не до сна.

Если форточку Ходор сдержал головой,
Если юный Сэнд-Бэггинс осколки поймал,
Если утром ты встал из постели живой, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал.

* * *

Буквы Z словно зета-частицы,
Проникающая радиация.
Эта дверь больше не откроется,
Сюда нельзя возвращаться.

Не нуждается дом в ремонте,
Ничего в него не прилетало.
Только зарево на горизонте,
И во рту — привкус металла.

На балконе забыты простыни,
В микроволновке — пицца.
Не года страшны девяностые,
А элементы таблицы.

* * *

Рвануло вдали — похоже,
В районе электростанции.
Стёкла задумались с дрожью:
“Вылететь или остаться?”
Поле, грачи, зигзаги
На обугленных танках:
“Саврасов или Верещагин?
Вылететь или остаться?”
Перед листом А1
Редактор застыл в Останкино,
Белее арктических льдин:
“Вылететь или остаться?”
Олег с кукухой вдвоём
Стоят в глубокой прострации.
Думают о своём:
“Вылететь или остаться?”

Алла Боссарт

Москва

А он мне: пора бежать.
А я ему: но мой дом...
А он: тут нельзя дышать.
А я ему: но мой дом...
А он мне: могила здесь.
А я ему: но мой дом...
А он мне: это пиздец.
А я ему: но мой дом...
А он мне: просвета нет.
А я ему: но мой дом...
А он мне: их мозг — свинец.
А я ему: но мой дом...
А он: за тобой придут.
А я ему: но мой дом...
А он: бумажный редут.
А я ему: но мой дом...
А он мне: тебя сгноят.
А я ему: но мой дом...
А он мне: о'кей, но я?
А я ему: но мой дом...
А он: одолеет гнусь.
А я ему: но мой дом
А он мне: я не вернусь.
А я ему: но мой дом...

А он мне: начнут стрелять.

А я ему: но мой дом...

А он мне: ты дура, блядь.

А я ему: но мой дом...

* * *

располосовало по живому телу
по семьям и одноклассникам
по детям с родителями
по мужу и жене
мы не знали что так бывает
что так может быть
что есть перфорация
по которой нас можно разорвать
но вот разорвали
и сидим как сторожевые псы
на цепи наших убеждений
которые другой считает амбициями
мы узнали что жизнь
за рамками дома и семьи
бывает важнее чем внутри
этой живой изгороди
этой жимолости и плюща
и девичьего винограда
вьющегося по забору вокруг дома
который нет нет нет сил бросить
лучше умереть на пороге
мы будем стоять каждый
на ступенях своего крыльца
и смотреть как другой погибает

в своем одиноком упорстве
в своих заблуждениях
или в своей правоте
и никогда не поймем
что правота и заблуждения
суть одно и то же
просто как посмотреть
как посмотреть откуда
с какой точки пространства
и конечно времени
я тебя никогда не забуду
я тебя никогда не увижу
написал хороший поэт
старомодный но честно хороший
у него не было этих проблем
а у нас они появились
спустя два века после
описываемых событий
в общем прости меня
я тебя никогда не забуду
если вдруг никогда не увижу

Письмо с фронта

Летите, не ждите последнего рейса,
бегите, друзья, без оглядки, нельзя
оглядываться на Гоморру, друзья...
Не жди меня мама не плачь не надейся
какие надежды пылает содом

и вряд ли обнимет меня эвридика
мы все проходили там пусто и дико
не жди меня мама и вымой наш дом
блинов напеки опусти рукава
все выскажи небу что гноем набухло
вели эвридике лететь до стамбула...
Не жди меня, мать, и завесь зеркала.

* * *

Воет пес в предрассветной мирной тиши,
дед говорит — на покойника.
Мама, не плачь, мама, пляши —
тебе письмо от полковника!
Полковник не спит, день и ночь строчит —
матерям из Москвы ли, Ростова ли,
письма его забирают врачи
и подшивают к истории.
Полковник дослал патрон в магазин,
припрятал последнее курево...
сейчас ему вкатят аминазин,
лежи, полковник, поскуливай.
Дозы валят полковника с ног,
адреса матерей мерещатся,
почем же мне знать, где твой сынок,
мать рядового Терещенко...
Очухается через четыре часа —
а ребята, соколик к соколику,
все уж тут, и кричат ему адреса.
Но никто не ответит полковнику.

* * *

Мы с тобой не убиты ни в Буче, ни в Харькове,
и цыганки давно ничего не вещали нам,
да и мало ль чего с перепуту накаркали
эти птицы зловещие у Верещагина...

Я иду вдоль Тверской, по весне отрихтованной,
ах, Москва, как ты весело морду раскрасила,
парой прочных колец мы друг к другу прикованы,
светофоры тебя прошивают, как трассеры.

Мы с тобой не убиты, Москва, и не взорваны,
москвичи по кюветам от боли не корчатся,
все надежно у нас, хорошо, даже здорово —
знай живи. Только жить почему-то не хочется.

Я в домике.
В моем домике клянчит котлету терьер,
Мы едим ужин из красивой посуды.
Чьи-то когти снаружи скребут мою дверь,
Думать об этом не буду.
Я в домике,
Это мой кров.
Кресло по цвету подходит к пледу.
Я не слышу лязга зубов.
Я не уеду.
В моем домике горит свет,
Я его зажигаю сама.
Я в домике.
Я в домике.
Вокруг домика тьма.

Алексей Олейников

Москва

Летит весь мир ко всем чертям, война по всем фронтам,
Ракеты бьют по площадям, больницам и домам.
Вопрос нелеп, смешон и глуп, как чучело моржа:
Скажите, братцы, как ввезти мне в Грузию ежа?

И смех, и грех, и стыд, и срам, гоморра и содом.
Какой тут ёж, когда от бомб обрушился весь дом?
Какой тут ёж, когда детей в охапку и бежать?
Какой тут ёж, когда тебя решили убивать?
Да знаем, знаем, орки мы, мордва, мокша, мошка,
Нас выплюнет родной народ, его сметет рука,
Не рады здесь, не рады там, и мы бежим бежа...
Скажите все же, как ввезти мне в Грузию ежа?

Нам слишком долго внятен был эфирный перезвон,
Нам в уши долго лил елей вечерний мудозвон,
Рассохлись скрепы, слышен визг и стоны крепежа —
Скажите, как теперь нам быть и как ввезти ежа
Откуда эта чушь и блажь, московский сытый бред
Из довоенных теплых дней, каких уж больше нет?
Под хвост какая, милый друг, попала вам вожжа?
Куда бежите вы, зачем вы тащите ежа?

Везут собак и обезьян, шиншилл и хомяков,
И попугаев, и кротов, сурков и пауков,
Везут котов и черепах, енотов и чижа,
Но нет ответа, как ввезти мне в Грузию ежа.

Куда, куда вы собрались, национал-бомжи?
Ни вы там, в общем, не нужны, ни ваши, блин, ежи.
А может ёж ваш — патриот, он любит сок берёз?
Ильин ему куда милей, чем Сартр и Делёз?

Считают сахар, спички, соль, настал последний час,
И месяц март как леденец облизывает нас.
Глупее фронды не сыскать, тупее мятежа:
Иди на площадь, наконец, возьми с собой ежа.
Пусть он покажет, как вставать навстречу букве зет,
Пусть он покажет, как держать за всех один ответ.
Когда на улицах союз гадюк и гипножаб —
Ежи нужнее на Руси. Пусть он возглавит штаб!

Нам не отмыться до седины, до самых смертных дней.
Бывали хуже времена, но не было смешней.
Чужая жизнь на волоске, на кончике ножа —
А нас все мучает вопрос, как вывезти ежа.
Учил нас летчик Антуан, но позабыт урок.
Когда растили мы детей, кто шел на третий срок?
Когда сажали дивный сад и объявляли сбор —
Кто убивал, кто воровал и кто точил топор?

Мы думали, что он ручной, и что он на цепи.
Проснулся господин Дракон, и пасть его в крови.
Нам отвечать за палачей, преступников, ворюг,
Хотя они не ели хлеб из наших слабых рук.
Летим по миру, будто пух, чертополох, трава,
Перекасти по полю тень, перепиши слова.
Ах Катя, вот уже сто лет царапина свежа.
И снова мучает вопрос — куда девать ежа?

* * *

господин президент ваша лодка утонула
ваши дети под прессом рубль упал
господин президент не вставайте со стула
ваш крейсер Москва тоже пропал
господин президент не мучайте кнопку
там контакты заело батарейке каюк
генералы ваши тупы как пробки
но зато в потолке есть отличный крюк
улетели все ваши юмористы
все актеры, певцы, олигархи, братва
все, кого вы так долго кормили с ладошки
загнивают вдали и поют о правах
Только мы рядом с вами, наш вождь, наш фюрер
мы все ближе, ближе смыкаем ряды
и лоснятся на солнце наши серые шкуры
и дрожат в восторге нагие хвосты

* * *

У них культура отмены, у нас культура отмычки,
у них теория струн, у нас теория скреп.
У них хамон, у нас омон, у них кобзарь, у нас кобзон,
у них права человека, у нас права Человека,
у них толерантность, у нас бризантность,
у них лгбт, у нас мгбоу сош, ГНУ ВНИВИП,
ГУЗМОМОЦПБСПИДИЗ, ВСЕГЕИ и ВНИОПТУСХ —
филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ.
Что, съели?

* * *

Говорю на zlanguage
давит кадык
распирает горло
с непривык
непривит я к корню
чужд мораль
не пойму никак —
апрель, февраль?
все слепилось вместе
затекло в глаза
хищный клекот, зуд
суетливых zzzza
постановы, вбросы, живой щит
за ушами хрящик аж трещит
как на вкус, наверно, речь сладка
посмотрите, у трупа
шевелит рука
приглашаем на фабрику гнилых слов
на отливку звонких чугунных лбов
если скажет родина будь готов
если скажет родина жги котов
если скажет родина бей кротов

если скажет родина хором ртов
упадет мне в руки, коряв и дик
мой родной окровавленный злозык

* * *

Песен еще не написанных сколько осталось
О ты, кукушка, скажи мне, пропой предсказанье
В городе жить мне средь толп говорливых и шумных
Или на выселках век мне доживать боги велели
Камнем лежать молчаливым свидетелем судеб
Или звездой гореть, Ориону подобно

* * *

К субботе
Благодатный огонь
заготовленный в небесах
крутился в контуре накопителя.
Ангел сидел на часах
смотрел, как движется
обратный отчет.
Еще немного и пламя
к земле потечет.
Ангел вбивает координаты —
Кувуклия, Господень Гроб.
Но тут же стирает адрес,
вводит несколько строк,
не предусмотренных протоколом,
не разрешенных свыше.
Ангел повышает давление,
и видит — огонь дышит.
Гляди на него синеглазо
и тянется руками.
Прозрачное пламя сжато

до алмазной грани.
Ангел снимает пломбы.
Пламени благое слово
падает в катакомбы
под Ново-Огарёво.

* * *

К Пасхе наши войска заняли оставленный ад.
Город Дит дымился, разбит, раздавлен, распят
на гаубице корчился какой-то слепой бес.
Черту на лбу начертили, конечно,
Христос Воскрес.
Воинство наше не щадит бесовские дома.
Камень, железо, бетон, кирпич, смола
перемешались, сместились границы тел,
смысл этого места утрачен, дух его отлетел.
Вырванные хребты домов, нагое бетонное ню,
город похож на каменную кашу, глиняную квашню.
Чудом уцелевший смеситель висит на стене.
Кто умывает руки на этой войне?
Райское войско катит по пыльным дорогам ада
наш механик грызет плитку чертова шоколада...
...помню, вошли в пригород, встали в вишневом саду
знаешь, они здесь неплохо устроились, в этом аду
Сладко спалось, им, бесам, на белых-то простынях.
Сладко жилось проклятым, не помнившим божий страх.
Всем, позабывшим про сильную руку Отца
мы даровали огонь и жаркую плоть свинца.
В детском саду Пеклышко

нет ни единого стеклышка.

От пекарни Геенна

остались одни только стены.

А в салоне Лилит

одна чертовка лежит.

Кажется, будто спит.

И у нее ничего,

совсем ничего

не болит.

Мы заходили в дворы и стреляли собак,

вскрывали подвалы, выгоняли мирняк.

Женщин, детей, стариков, всех этих чертяк.

И объясняли, что мы же не просто так.

Что наша весть благая, что мы принесли свет.

Смерть отступает, ей места здесь больше нет.

Смерть, скуля, заползает в свою нору.

Мы у нее выиграли эту игру.

Дьявол молчит, когда говорят райские пушки...

Плакал бесенок маленький, прижимая игрушку,

плакал, слеза текла, обжигая щеку.

Потерпи, мы научим ангельскому языку.

Мы объясним, кого и как надо любить.

Вечером начал горящий дождь моросить.

Танки пахтали жирный тугой чертозем.

Маршем мы шли на соединение с Христом.

А рожь пылала вокруг негасимым огнем.

Горе прочней чем камни

* * *

Что вы хмуритесь, братья-товарищи,
мы же вроде нормально сидим,
да и дым вроде не от пожарища,
мы ж докурим, допьём этот дым.

Что кручинитесь, сёстры-гражданочки?
Что глядите с тоской на ребят?
Не гружёны ещё ваши саночки,
страшной ношей ещё не гремят.

И не то чтобы нету аналога,
но как будто всё видишь впервой,
словно шторы задернуты наглухо,
все укрывшись лежат с головой.

Но как будто в окне где-то щёлочка,
сквозь неё и ползёт запашок.
Не буди нас, несчастная Золушка,
примеряй башмачок, сапожок...

Ты не чуешь, злосчастная Золушка,
над трубой прах и пепел летит.
В небесах ходит красное солнышко,
с пониманьем на это глядит:

“Дорогие коллеги-сограждане,
ваши мнения все учтены,
опасения ваши оправданы,
ожиданья вознаграждены”.

Только глянет оно по-отечески,
так и хочется лечь тут костыми.
Если с нами по-человечески,
у любого, кого ни возьми,

сразу голос такой, как у Гарина,
да и взгляд сразу, как у Жеймо.
А душа так и эдак зашкварена,
и на лбу проступает клеймо.

* * *

Мне поможет язык аллегорий,
как иным помогает даркон:
пусть всегда побеждает Егорий,
пусть прикинетсядохлым дракон,

не сходились чтоб стенка на стенку,
но у Спасских ли, Троицких врат
чтоб, как брату, Максиму Шевченко
Александр Невзоров был рад.

Чтоб однажды и вправду, не ссорясь,
как награда всем чаяньям, чтоб,
словно агнец со львом, с Юнной Мориц
рядом лёг генерал Ивашов.

Чтоб без слов “не простим, не забудем”
отступило вселенское зло,
чтобы Утина обнял Уютин,
чтоб Уйло целовало Уйло.

Я вас спрашиваю не для смеха, —
от бессилья и чувства вины:
вы хоть жопой-то чувствуете эхо
в самый раз подходящей войны?

Вы ж хотя бы в душе не хотите,
чтобы порохом воздух пропах?
чтобы, как этажи Москва-сити,
вырастали гробы на гробах?

Вы ж наверно хотите едва ли
на земного краю бытия
знать, что врѣшь, мол, мы, правда, не знали,
это, Господи, правда, не я.

* * *

Не нужно твоих рецитаций.
Час пробил вставать с нами в строй,
на первый-второй рассчитаться,
кто первый, не зная, кто второй.

Не зная, кто своими руками,
не слышать чужую дуду,
оставить на камне не камень,
а только нужду да беду.

Не знать, кто сегодня, кто завтра.
Не ведать, кто пан, кто пропал,
какая кому ляжет карта,
кто ранен, а кто наповал.

Кто насмерть, а кто схоронится,
кто вякнет, кто ляжет на дно.
И нашей ползучей границы
растёт нефтяное пятно

до самой моей Украины
от Грузии самой моей, —
руины, руины, руины
да отсветы вечных огней,

не тех, что среди мавзолеев
и увековеченных дат,
а тех, что пока только тлеют
и ждут неизвестных солдат.

* * *

Давай условимся, пока
не говори мне про разлуку,
пока во сне моя рука
твою нашаривает руку

на неостывшей простыне,
пока, немотствуя о тлене,
слепые наплывают тени
по потолку и по стене,

как будто нам со всех сторон
ещё не слышен звон кандальный,
и свет такой, как бы вокзальный,
как будто тронулся вагон.

* * *

Всё происходит одновременно.
Всё одновременно. Прямо сейчас.
Не ослепительных два джентльмена
на остановке пьют явно не квас,

хлеб, колбаса, то ли фрукт, то ли овощ,
вот к остановке подходит М 6,
мимо проносится “скорая помощь”,
в ней происходит какая-то жесь.

Мимо проходят чьи-то мамыши.
Мимо провозят деток чужих.
Кто же их знает, — наши, не наши.
Ходит с лопатой весёлый таджик.

Ходят колоннами. Лягут рядами.
Солнца вспухает оранжевый гриб.
Воздух хватают чёрными ртами.
Чей это плач превращается в хрип?

Киса мяучит? Собаконька лает?
Ножками в люльке младенец сучит?
Родина слышит, родина знает...
Харьков пылает. Пепел стучит.

* * *

...мы, больше ничего не знача,
сойдем в костер своих костей.

Иван Жданов

Кромешный ужас, стыд и мука,
оцепенев от новостей,
из недобитого фейсбука
смотреть в костёр своих костей,

где тело рухнуло, как зданье.
Спроси себя: ну чо, ссыкло,
твое прозрение и терзанье
ну хоть кому-то помогло?

Пока ты, со стыда сгорая,
пристойный принимаешь вид,
пылают чьи-то хаты с краю
и площадь в городе горит.

Но это пламя отражая,
в него глядят и те глаза,
которым плач и кровь чужая —
всё будет Божия роса.

Уроки мужества

Здрастье, девочки! Здрастье, ребята!
А сегодня мы поговорим
про солдат, ведь солдаты не спят, а
засолоняют собой Третий Рим.

Дорогие мои москвичи!
Да и вы, зарубежные гости!
Яко тать, кто крадётся в ночи?
Чьи белеют безвестные кости?

Ну-ка, это у нас кто такой?
Это кто тут такой с автоматом?
Кто приносит лишь мир и покой
вот таким же ребятам, девчатам?

Чтобы ночью им крепче спалось,
чтобы днём веселее кричалось,
чтобы неутолимая злость
чёрным пеплом в сердца не стучалась.

Каждый знает, что выйдет к доске,
потому что придётся ответить.
Пробил час. И песчинку в песке
невозможно уже не заметить.

Интересно, что скажут в процессе
разговора о зле и добре
Саша в Киеве, Боря в Одессе,
Ира в Харькове, Ваня в Днепре.

* * *

Недоумеваете вы вот и
не всё ж понимаете вы ведь?
Какие ж из этого выводы?
За что на прощанье нам выпить?

За то, чтоб, не зная покоя,
герои, терпилы, святоши
не спрашивали: “Чо такое?
А нас.. А меня-то за что же...?”

За тех, кто остался бояться?
За тех, кто боялись, но вышли?
За братьев? Да что ж это, братцы...
За что же вы всё это выжгли?!

И это высокое небо,
и это певучее слово?
За эту ебучую скрепу?
За то, чтобы встретиться снова:

и тем, кто глядели, как в воду,
и тем, кто сказал, не уеду?
За вашу и нашу свободу?
За вашу и нашу победу?

За тех, кто не сдался без бою.
И за помертвевшие рожи,
что шепчут во сне «“Чо такое?
А нас.. А меня-то за что же...?”

* * *

Вроде стирание... Непонятно...

И неважно, — платок, носок...

Но откуда бурые пятна?

Вероятно, фруктовый сок...

Я ж замачивал всё в холодной.

Вероятно, не та вода.

Порошок, должно быть, негодный.

Маркировка ткани не та.

Эти пятна глядят, как очи.

Не пятно уже, а клеймо.

Пролежало в воде полночи,

думал, утром сойдёт само.

Не сошло, как ни тёр, не слезло,

и ползет по моей руке.

И солёный привкус железа

в небе, в воздухе, на языке.

* * *

Вот он сперва родился.

Как им отец гордился.

Как над ним мать тряслась.

Как же от тех пелёнок

до городов спалённых

мигом жизнь пронеслась.

Вот бы чуток удачи,
всё бы могло иначе
выпасть, случиться, быть,
так бы сложилось, чтобы
спорт, работа, учёба,
свадьба, семейный быт,

всё почти образцово,
на книжной полке Донцова,
рядом Федин с Золя,
ну и, куда деваться,
фотоальбом на двадцать
третье февраля.

Вот он такой с баяном,
вот он вернулся пьяным,
вот он к воде припал.
Вот он уже постарше.
Вот он уже на марше.
Вот он уже пропал.

Где ты сейчас? В потоке?
Кто там в твоём Tik-Tokе?
Что ж ты, брат, ни гу-гу?
Вот он лежит, как ёжик,
ни головы, ни ножек,
дырочка в правом боку.

* * *

В чистом поле вьётся дым отечества,
кухни или, скажем, крематория.
Это наблюдает человечество,
теле-, так сказать, — аудитория.

Кто там в чистом поле, те ли, эти ли,
зрения обман, погрешность оптики? —
говорят эксперты и свидетели,
спорят очевидцы и синоптики.

Фейки ваши кадры, ведь у вас они,
наскоро подогнаны, неровно.
Разве так должны быть руки связаны?
Всё-то тут у вас инсценировано!

Вы нас попрекаете ГУЛАГом.
Вам ли говорить о Кондопоге.
Вон у вас и ноготь с красным лаком.
Труп у вас садится на дороге.

Ваши фото казни показательной —
всюду снег, а дело было летом, —
мимо нас несутся по касательной,
попадают только рикошетом.

И какие к нам у вас предъявы?
В чём же оно, наше соучастье?
Мы же, так сказать, не ради славы!
Мы и так расколоты на части.

Эта часть — агенты и предатели,
эта часть — насильники, убийцы.

Остальные — просто наблюдатели,
так сказать, физические лица.

* * *

Тост “За победу!”... Бывает.
Видимо, дело к обеду.
Кадочников выпивает
(пауза) «...За нашу победу!”

С носом в печёной картошке,
неотразимый мужчина,
Штирлиц, подвыпив немножко,
“Степь” затащил у камина.

Нужно ещё человека?
Бог, он ведь троицу любит.
Даль, оператор “Омега”,
в точку морзянкою лупит.

Так что, спасибо артистам,
выйдя во двор днём погожим,
я был готов стать фашистом,
лишь бы на них быть похожим.

Эти Исаевы-Дали,
как на них форма сидела!
Как они зигу кидали —
но ведь за правое дело!

Так что, давай подытожим,
милый мой штандартенфюрер, —
ой, хорошо, ты не дожил,
ой, слава богу, ты умер, —

что нам осталось в наследство?

Что мы наделали, братцы!

Наше счастливо детство
нас попросило остаться?

Тост “За победу”? Не надо?

Это не наше сражение?

Ну так налей за пощаду...

и за прощенье.

Видишь?

Видишь — луна за нами следит?
А мы подмигнем луне.
Если горя мало — купим в кредит,
Процент терпимый вполне.

Скучно играть в изгоя.
Лучше никак, чем так.
Выстроим дом из горя:
Стены, подвал, чердак.

Двери (закрыться чтобы),
Окна, на окнах шторы,
Нет, ну правда, а что мы —
Хуже других, что ли?

А кончится это горе —
Сразу придет другое.
Доставят прямо со склада.
Ты только не бойся, ладно?

Мы плотно закроем ставни,
Счет потеряем дней.
Горе прочней, чем камни.
Горе всего прочней.

И горе станет нам щит.
И горе станет нам свет.
И старшим своим луна сообщит,
Что потеряла след.

Выдохни

I

Выдохни: больше не будет ни
Места, куда уйти от беды,
Ни, тем более, времени,
Будут только седые дни
Наши искать следы.

Дни мои, бездомные псы,
Без сострадания, но не без
Ухмылки смотрит на нас с небес
Тот, в чьих руках весы.

Он забыл имена людей, городов и стран,
Помнит только, что там, где больно и где нас нет,
Мертвые прилегли отдохнуть на снег.
ечность течет из ран.

2

Время по кругу идет — так паломник идет по Мекке.
Кутаюсь в ночь, сомнений собственных раб.
Важное вижу во сне, но и там помехи.
Там серая рябь.

Степи перерезали стены,
Тычутся в стены мысли, как овцы.
Нашей звездной системы,
Похоже, не было вовсе.

От Магадана до Илиона
Душа за гривенник по новому курсу.
У власти орлиной орлят миллионы.
Каждому печень моя по вкусу.

Никуда

I

Можно начать молиться, а можно начать колоться.
Все одно — стоишь, а после падаешь ниц.
“Здравствуйте, дорогие колосья!” —
Колосьям говорит жнец.

А они живые, то есть ржаные,
В добре не смыслят и в зле.
Клонят шеи смешные
К черной своей земле.

И я тоже хрупок, и буду краток —
Время режет нас на ремни,
И не хватит материи для заплаток,
И жнецу не скажешь: “Повремени”.

2

Сон оступился, и я один посреди
Ночи, сделанной из черного льда.
Страшно в небо смотреться — там звезды в черной
истоме.
Если только можешь, Господи, проследи,
Чтобы миновала беда
Тех, кто слушает нынче стоны
Века, двинувшего в никуда.
Если только Ты можешь, Господи.
Если только.

3

Важно помнить, что власти ада
Считают работу ангелов экстремистской,
Зато тепло, на обед баланда
(Не особо изысканно, да и ладно),
У пищеблока Вергилий с коцаной миской.

Темнота навсегда

Колеблются ветви, будто курсы валют.
Ветры чешут лбы о верстовые столбы.
Русские никогда не закусывают,
Хотя иногда стоило бы.

Вьюги с улиц прохожих сдули.
Вечер пьян слегка и весел, дикарь.
Сны уснули, в голове как в июле,
В мире внешнем — декабрь.

В голове как в июле, а вот на вокзале — как на вокзале:
Баул на бауле и стойкий запах мочи.
Фонари на перроне с огненными глазами.
А ты терпи и молчи.

Сядешь в поезд, утетишь себя: “Сбегу”.
Для волхвов СВ, в плацкартных пьют пастухи.
За окном — деревья в снегу,
Красивые, как стихи,
Поля без жизни, ничьи места,
Строчками — провода.
Сначала. А потом — темнота,
Понимаешь ты, потом темнота,
Темнота навсегда.

Славят звезды Христа Человеколюбца,
Время загнанное встает на дыбы.
Русские никогда не сдаются,
Хотя, наверное, надо бы.

Стихи для великой депрессии

Обязанности у людей просты:
Девочки для любви, мальчики для битья.
Темнота, я помню, зачем мне ты,
Но скажи, зачем тебе я?

Нет, не выдержать, не продышать, не вывезти —
Саксофонов вой и тормозов взвизги —
Подмигивают, будто шлюхи, вывески,
Воздух на вкус как виски.

Портье гостиничные с глазками лисьими,
Фонари, которые делают ночи желтыми,
И, конечно, красавицы с холодными лицами,
И, конечно, гангстеры с огромными кольцами.

Я не знаю здешних законов,
За меня пусть говорит джаз.
Широкие проспекты всегда за копов,
Закоулки зато за нас.

Движенья выверены, мысли четки,
Главное — стереть отпечатки,
Машины, длинные, как подводные лодки,
И кровь светофоров пятнами на брусчатке.

Никогда не кончится этот год,
Эта музыка, которая как змея,
Эта музыка, топот нот,
Звуков бешеных толчея,
Темнота, зачем тебе я?

И еще раз, щурясь, возможно, целясь, щерясь,
Главное — что еще раз:
Темнота, зачем тебе я?

Возвращение адмирала

Над немой Невой не стон и не вой —
Это флот затонувший пришел домой,
Адмирал, давно уже неживой,
С мостика смотрит в свой

Сон, который не может кончиться,
Хотя адмирала убили лет сто тому,
Сон, в котором с небес сошедшая конница
Мчит сквозь тьму на помощь к нему,
В снега сибирские втоптанному,
Навсегда одному.

Но сейчас вокруг него город царя Петра,
Город, родной ветрам, не чужой смертям.
И надо дотянуть до утра,
А там и домой, к чертям.

Этот город и сам как сон,
Раствориться рвется в дожде косом,
Затаиться рвется среди болот,
Как потопа рассвета ждет.

Его призраки вырезаны из картона,
Дворцы его выстроены из тумана,
И если бы небо его не подпирала колонна,
Раздавило бы небо медного истукана.

И смешались стихии,
И в чудесном саду
Ждут деревья, нагие,
Будто души в аду.

И когда рассвет придет — натужен, пунцов,
В мегафон рассвет заорет:
“Граждане выжившие, по возможности проходим вперед!
Не мешаем мертвым хоронить своих мертвецов!”

И отправится в новый поход затонувший флот.

Речь опоздавшего

Сам не знаю, откуда у меня столько гонора, —
Вроде бы я не кичливый лях.
Но вот голову я не дома забыл, Медуза Горгоновна,
Голову я сложил на полях
Войны мировой непронумерованной —
Я служил тогда в минус первой конной.
Возможно, шрапнелью нафаршированный,
Я и теперь лежу под иконой
В морге при полковом лазарете,
В сером исподнем да на белой скамье,
Но если вы взглядом мой приют озарите,
Если сделаетесь чуточку добрее ко мне, —
Встану, камнем стану, раз такое вам нравится,
Позу героическую приму.
Мертвому какая вообще разница,
Чью созерцать тьму?

* * *

Вот пылинки в луче (Демокрит и Левкипп
Знали с чем их сравнить, Аристотель туда же),
Вот сверкают себе, вот сияют,
как всякий сакральный предмет...
Символ встречи — разлука,
присутствие — символ пропажи.

Выступает прославленный ордена Красной Звезды,
Дважды Краснознаменный ансамбль эриний,
Символ песни и пляски, эмблема народной беды...
Вот пылинки в луче, вот иголки
в дожде, вот роса в паутине.

* * *

Счастья было много-много,
А теперь тю-тю.
Тварь дрожащая тревога
Делает кутю.

Рис, изюм, немного мёда,
Можно чернослив.
Равнодушная природа
Смотрится в залив.

Слышен чаек крик сердитый,
Комариный смех.
Где защита? Нет защиты.
Удалили всех.

Удалили, поселили
Непонятно где.
Серебристый призрак пыли
Ходит по воде.

* * *

Вера тут не в то да сё,
А конкретно в то, что это
Наше, в смысле, наше всё,
И надежды больше нету.

Перспектива не ясна.
Но когда беспечной птичкой
Расщебечется весна,
Я надеюсь по привычке.

Зарокочут соловьи,
Встанет ночь в дверном проеме.
Никого не будет в доме,
Кроме правды и любви.

* * *

Я чувствую непобедимый страх
В присутствии людей, чья речь ясна,
Как день, и вместе с тем темна,

Как ночь — как будто я в горах
(А я тот парень, что в горах не ах)
На ватных, как бы не своих ногах,
Вот именно, на гнущихся мостках
Стою, дрожа, как нежная струна,
Шепча: словам числа нет, бездне — дна.

* * *

Кто-то снизу крикнул: “Поручик!”
И поручик Сунцов прошагал к окну.

Ни души. Пустовал даже грязный стульчик,
На котором вечно кряхтит этот горе-сапожник, ну,
Этот жид — как его? — Шмультчик? Срульчик?..

“Господа, — ни с того, ни с сего прошептал поручик, —
Все пропало: Россия идет ко дну”.

* * *

Вот дядя в кепке с бородой седой,
Вот бабушка в платке с кривыми ножками,
Вот юноша высокий, краснощекий...
И что все это значит? Только то,
Что я иду по улице *в пальто*
Из драпа, сдержанный.., и кстати
Теперь навстречу школьники — ха-ха,
Хи-хи, ха-ха, и вдруг один: “Тиха
Украинская ночь”... Эх, тети, тяти...

Мария Степанова

Москва

Благословляю вас широкие леса
Равнины, горы
И ты двуострая береговая полоса,
И ты сестрица узкогорлая лиса
И ты язык что с интервалом в полчаса
Вылизываешь ятрия позора
Его не съесть волна его не смочит
И волга в дно не перевоплотит
Кто чёт, кто кочет,
Какое блядь безумие бормочет
Каких ещё кариатид
Винить пока не обесточат

Такая история

Обычное необычное историческое время
корабль кренится
или вовсе идет ко дну.
Такое уже было.
В доме моего прадеда в Вильно
в Первую мировую стояли немецкие офицеры.
На старой фотографии
присланной одноклассницей
на пятиэтажном здании на Кальварийской
вывеска –Офицерский клуб *Halberstadt*.
По словам бабушки,
которой я не знала,
немецкие офицеры тогда
вели себя очень цивилизованно.
Брат деда, инженер. жил в Германии
и был женат на немке.
Они нередко гостили у литовских родственников.
А потом немецкие офицеры
и некоторые местные жители
перестали себя вести цивилизованно.
И в 41-м бабушку, ее мать, и старшего сына

убили в Каунасе.
Во время Второй мировой войны
которую отец провел на фронте
ему повезло.
Он был ранен дважды
но выжил.
Когда в шестьдесят семь у него
стало останавливаться сердце
и он лежал в ожидании операции
в госпитале Астория Дженерал
с пульсом в двадцать ударов в минуту
что не очень совместимо с жизнью
а машина с пейсмейкером застряла
в снежном буране
отец сказал мне: “Мои родители оба
погибли в пятьдесят семь. Чем же я лучше?”
Вот и сейчас, когда, казалось
бы, пандемия и стала тем испытанием
которое выпало на нашу долю
оказалось, что нам придется увидеть
кадры такой разрухи в Европе
остатки которой мне пришлось увидеть в детстве.
В старом городе Вильнюса
где я выросла
еще десятилетиями после войны
стояли развалины домов
стены без окон.
Одна из обрушилась через мгновения
после того, как мы с папой
зашли в книжный магазин напротив
на узкой улочке

и свет померк в середине дня.
И вот снова — беженцы бегут из Украины,
едут, идут пешком
кричат, закрывают голову и детей руками,
молят бога, проклиная тех,
кто это придумал.
Тех, кто, казалось, вел себя цивилизованно.
А потом перестал.

Аня Красильщик

Москва

а еще вчера сидели
что-то пили,
что-то ели,
говорили: как-то жили,
значит как-то проживем.
пальцы с красными ногтями,
брошенный велосипед.
для чего, зачем, откуда
кто за это даст ответ.
люди волки люди звери
время сжалось. бога нет.
морок душит. воздух сгущен.
вьются тучи. снова снег

Непоэзия

она бесславно умерла
и труп её как трупы тех
солдат что бросила она
лежит ненужный у дороги

проходят мимо на неё
внимания не обращая
те что гордились ей недавно
те что клялись что за неё
готовы жизнь отдать и те
что так её любили но
была она неразделённой
она покончила с собой
приняв большую дозу яда
такого что ей “новичок”
конфеткой “ну-ка отними”
в сравнении бы показался
она большущую квартиру
оставила после себя
захламленную как квартира
шизофренией тяжело
больного и ремонт в которой
никто не делал никогда

она берёзовые ситцы
те что носила разорвала
на тряпки и они в крови
валяются повсюду там
и ту загадку что она
в себе носила разгадали
и от отгадки той тошнит
и не понять её умом
в неё и верить нет желания
и боль оставила она
досаду разочарованье
страх стыд позор
надежд потерю
и снова ноющую боль
нет я не про неё
а я про ту кем она стала

* * *

во мне теперь живут чужие боли
они так не похожи друг на друга
и так похожи друг на друга как
разорванная фотокарточка ребенка
ушедшего из дома и назад
не возвратившегося больше и забывшая
свой адрес потерявшаяся мать
с Альцгеймера болезнью и несущая
в себе чувство вины за то что имя
она забыла сына своего

прячась от бомб в подвале три сестры

рыдая позвонили своей маме
в Москву из Харькова чтобы услышать
голос родной который никогда
возможно больше не придется слышать

я слышать не хочу сказала мать
все это пропаганда мать сказала
не может быть такого я не верю
и в телефоне раздали гудки

и боль с которой три сестры остались

я объяснял по телефону сестрам
я объяснял что мама любит их
я объяснял что если им поверит
их мама то она умрет тогда
умрёт от ужаса и от того что сделать
не может мама ничего не может

не ждите больше помощи от мам
любите просто их просто любите

* * *

я постарел на много много лет

железка в сердце что мне помогала
жить с лишним семь
не лишних сука лет
вдруг стала скрежетать и заржавела

я помощи искал везде где мог
я говорил что мне осталось мало

и мне сказали адрес
что мол там
тебя спасут и там тебе помогут

вот я в операционной на столе
бестеневая лампа надо мною
спецоперация идёт
идёт во мне
она идёт без всякого наркоза

отчётливо я слышу голоса
хирургов в форме и медперсонала
скальпель тампон
вот здесь сделай разрез
зажимы блядь и языкодержатель

на операционном поле много крови
хирург задел артерию специально
я слышу смех
уходит он уходит
его теряем мы невелика потеря

все органы что были у меня
мне удалили
по кусочкам сердце
из клетки из грудной мне вынимали
пока там не осталось ничего

мне мёртвому уже пытались
швы наложить и залатать все дыры
но ниток красных не было остались
лишь нитки белые
и швы не наложили

и вот живу я мертвый с пустотой
внутри и с ампутированной жизнью
которую я прожил
и с дырой
зияющей похожей на воронку

Марина Бородинская

Москва

Говорят, и говорят, и говорят,
и сверлят без передышки, и бурят,
и в ночи, уже раздевшись, говорят,
и в дверях, уже одевшись, говорят.

Вот министр просвещения говорит:
— Слишком много просвещения, — говорит.
А министр освещения говорит:
— Эта лампочка сейчас перегорит.

Вот министр обороны говорит:
— Принеси мне в жертву сына, — говорит. —
Да молитвами зазря не беспокой,
Ведь бывает, что и выживет какой.

А вон тот уж так красиво говорит:
— Я ж люблю тебя, чего ты! — говорит.
— Я ж как сорок тысяч братьев! — говорит.
Только он над мёртвым телом говорит.

А еще они друг дружке говорят:
— Ваши речи — Богу в уши! — говорят.
— Бедный Бог, — ему тихонько говорю, —
Я тебе на Пасху плеер подарю.

Из цикла “Окаянные строчки”

— Здравствуйте, недобрый день.

— А какой сегодня день?

— День второй — у весны,
день седьмой — у войны.

В небе солнышко летает,
птичка божия не знает,
дворник, новая метла,
выметает жизнь дотла.

* * *

Нет, Иов так и не возроптал.
И Бог его исцелил и дал
богатство, скот и новых детей:
семерых сыновей
и трёх дочерей,
как раньше. Только других, ну да.
Бог не был женщиной.
Никогда.

Понятые и свидетели

Хроники военного времени

Издательство книжного магазина «Бабель» (Тель-Авив)

Заказ книг: <https://www.facebook.com/BabelTLV/>

Продюсер: Екатерина Бермант

Верстка: Марат Зинуллин

Подписано к печати: 08.05.2022